

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»

**А. Ю. Завалишин
Н. Ю. Костюрина**

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

Утверждено в качестве учебного пособия
Ученым советом Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»

Комсомольск-на-Амуре
2014

УДК 008:39(571.6)(07)

ББК 71.0(ДВ)я7

З-132

Рецензенты:

Кафедра русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет»,
зав. кафедрой доктор филологических наук, профессор О. А. Бузுவ;
А. С. Ким, доктор политических наук, профессор кафедры социологии,
политологии и регионоведения ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский
государственный университет»

Завалишин, А. Ю.

З-132 Этноконфессиональная ситуация и межкультурное взаимодействие на Дальнем Востоке России : учеб. пособие / А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина. – Комсомольск-на-Амуре : ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2014. – 108 с.

ISBN 978-5-7765-1116-5

В пособии рассмотрены теоретические и прикладные аспекты наиболее острых общественно-политических проблем Дальнего Востока России – межкультурных и этноконфессиональных взаимодействий. Показаны этапы и специфика формирования этнической и конфессиональной структур населения региона, возникающие при этом противоречия и пути их преодоления. Особое внимание уделено актуальной в начале XXI в. проблеме адаптации мигрантов в принимающей среде региона, выявлению и предотвращению конфликтов на этнической и религиозной почве.

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по направлениям «Культурология», «Социология», «Реклама и связи с общественностью», «Государственное и муниципальное управление», «Социальная работа», а также преподавателей цикла социально-гуманитарных дисциплин, аспирантов и всех, кто интересуется проблемами этноконфессионального и межкультурного взаимодействия на Дальнем Востоке России.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки России (Государственное задание)

УДК 008:39(571.6)(07)

ББК 71.0(ДВ)я7

ISBN 978-5-7765-1116-5

© ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре»
государственный технический
университет», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	6
1.1. Формирование полиэтнического состава населения Дальнего Востока	6
1.2. Национальные отношения и национальная политика в регионе в XIX в. – 1980-е гг.	12
1.3. Национальный вопрос и национальная политика на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в.	16
2. МИГРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ОЧЕРК ТЕОРИИ	19
2.1. Миграция как социальный феномен	19
2.2. Основные тенденции современных миграционных процессов в России и в мире	20
2.2.1. Увеличение объемов и расширение географии миграции.....	20
2.2.2. Появление новых типов мигрантов, увеличение разнообразия их социокультурных характеристик.....	21
2.2.3. Расширение вынужденной миграции.	22
2.2.4. Феминизация миграционных перемещений.	24
2.2.5. Использование эмигрантов для решения проблем занятости	24
2.3. Миграционные процессы в контексте глобализации	25
2.4. Миграционная ситуация в России	26
3. СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ	29
3.1. Миграционная ситуация в России и Хабаровском крае	29
3.2. Политика в отношении трудовых мигрантов и переселенцев	31
3.3. Отношение к мигрантам	34
4. ЭТНИЧЕСКАЯ КСЕНОФОБИЯ И ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФАКТОРЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ	36
4.1. Понятие и сущность ксенофобии	36
4.2. Понятие и проявления этнического экстремизма.....	41
4.3. Пути преодоления ксенофобии и этнического экстремизма.....	45
5. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ	48
5.1. Сущность и своеобразие межкультурных взаимодействий	48
5.2. Особенности межкультурных контактов в регионе	51
5.3. Оси межкультурной напряженности на Дальнем Востоке.....	52
5.4. Условия оптимизации межкультурных отношений	60

6. СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ КУЛЬТЫ И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ	63
6.1. Сущность религии и ее роль в обществе	63
6.2. Религиозная жизнь Дальнего Востока в прошлом	68
6.3. Дальневосточное религиозное пространство в конце XX – начале XXI вв.....	69
7. ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ НОРМАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ	74
7.1. Межкультурная напряженность и условия ее преодоления.....	74
7.1.1. Социально-экономические факторы межкультурной напряженности.....	74
7.1.2. Специфика межкультурных социально-экономических взаимодействий на Дальнем Востоке России и пути их оптимизации	77
7.2. Адаптация мигрантов в принимающее сообщество региона	79
7.2.1. Политика Российского государства в отношении трудовых мигрантов	79
7.2.2. Специфика межэтнического и межконфессионального взаимодействия мигрантов на Дальнем Востоке России	85
7.2.3. Проблемы коммуникации и адаптации трудовых мигрантов из республик Средней Азии и Кавказа	87
7.2.4. Проблемы российско-китайской коммуникации и адаптации китайцев на Дальнем Востоке России	93
7.3. Этноконфессиональные взаимодействия на Дальнем Востоке России (от автономности к сотрудничеству)	96
7.3.1. Этноконфессиональные взаимодействия в России: современное состояние и перспективы	96
7.3.2. Этноконфессиональное взаимодействие на Дальнем Востоке России	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	105
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	105

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современной культуры с ее противоречивыми тенденциями глобализации и локализации, процессами унификации и всплеском интереса к уникальному, единичному, широкомасштабными культурными заимствованиями, смешением эпох и стилей, предельным разнообразием форм культуры человеку очень важно стать частью этого сложного мира, не утратить свою индивидуальность, не потерять жизненные ориентиры.

Увеличение объема информации и стремительность изменений требуют от человека значительных усилий для адаптации к ним. Часто человек, стремясь к материальному благополучию, успешной карьере, творческому самовыражению, оказывается в условиях жесткой конкуренции и начинает видеть в ближнем врага. Социальная напряженность – реалья нашей сегодняшней жизни.

Непонимание причин и последствий происходящих событий зачастую приводит к тому, что социальная напряженность перерастает в социальные столкновения, которые могут иметь вид межэтнического или межрелигиозного конфликта.

Сегодня, когда горизонтальная мобильность человека велика, многие регионы становятся привлекательными для потоков переселенцев, ищущих лучшей жизни, работы, зарплаты, климата и т.д. Характерно это и для России в целом, и для Дальнего Востока. Коренные жители региона вдруг обнаруживают, что с ними соседствуют этнические и конфессиональные общины, строятся непривычные культовые здания, мелькает в толпе национальная одежда. Изменения в структуре населения осмысливаются как опасные. Незнание и непонимание чужой культуры – чужих нравов, обычаев, языка – часто усиливают чувство страха, провоцируют агрессию. Знание – единственный инструмент, позволяющий нам взаимодействовать с представителями любой культуры, любой религии, любой этнической и расовой принадлежности. Только знание и понимание иной культуры, иной традиции, уважение к ним делают нас способными к диалогу, а не к войне.

А. Камю писал: «Зло, существующее в мире, почти всегда результат невежества, и любая добрая воля может причинить столько же ущерба, что и злая, если только эта добрая воля недостаточно просвещена».

Массовое просвещение в области истории культуры России и Дальнего Востока, особенностей формирования населения в Дальневосточном регионе, знакомство с различными религиозными и этническими традициями, представленными в регионе сегодня, получение элементарных знаний в области социологии религии, политологии, этнографии – залог возможности снизить этническую и конфессиональную напряженность в обществе.

1. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

1.1. Формирование полиэтнического состава населения Дальнего Востока

С глубокой древности население Дальнего Востока (в том числе той его части, которая ныне входит в состав Российской Федерации) формировалось в результате значительных перемещений масс людей, принадлежавших к разным культурам, народам, расам. Этот процесс продолжается и сегодня, формируя крайне сложную полиэтническую структуру населения региона.

Этнический состав населения Дальнего Востока с древности до середины XVII в.

Как свидетельствуют археологи и историки, уже в V в. на территории Дальнего Востока России началось образование племенных союзов, прообразов государств. Первыми древними государствами были королевство Бохай и империя Цзинь, созданные на основе племенных союзов наиболее развитых в социально-экономическом отношении народов того времени – мохэ и чжурчжэней. Причем оба государства изначально были полиэтничными: в состав Бохая входили племена мохэ, киданей, предков современных корейцев и др.; в состав Цзинь – чжурчжэни (по сохранившимся переписям XII в. их было около 10 %), китайцы (85 %), другие народы (5 %) (при общей численности около 53 млн чел.)¹.

В то далекое время отношения между племенами и государствами не отличались добрососедством, преобладали такие формы взаимодействий, как военное противоборство, военные союзы, не отличавшиеся постоянством, зачаточные торгово-обменные отношения. Фактором интеграции разнообразных этносов в V – XVII вв. был буддизм, для которого все этносы (как и все социальные группы в целом) считались равнозначными.

Этнический состав населения Дальнего Востока России с середины XVII до начала XX вв.

Во 2-й половине XVII в. на территории Дальнего Востока появляются первые отряды русских землепроходцев (под руководством Василия Пояркова, Ивана Москвитина, Ерофея Хабарова и др.), начинается процесс включения его северо-восточных территорий в состав Российского государства. Сохранившиеся сведения о численности и этническом составе населения региона в то время скудны, отрывочны и противоречивы. По сообщениям русских землепроходцев и путешественников, численность отдельных племен и народов (натков, ачанов, гольдииков, лоча, дауров, дючеров и др.) колебалась в пределах от нескольких тысяч до десятков тысяч человек. Чис-

¹ История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1989. С. 168.

ло самих землепроходцев также не превышало нескольких тысяч. Самыми многочисленными этносами в XVII – середине XIX вв. были чукотский, корякский и якутский, которые насчитывали от 20 до 100 тыс. чел. Причем за время русской колонизации Дальнего Востока (до середины XIX в.) численность коренных народов существенно уменьшилась.

Как свидетельствует, например, русский мореплаватель, вице-адмирал русского флота В. М. Головнин, до появления русских на Камчатке проживало более 20 тыс. чел. коренного населения. К началу XIX в. осталось 3 – 4 тыс. чел. Основная причина резкого снижения численности – эпидемии болезней, завезенных русскими, прежде всего, туберкулеза, кори, оспы, гриппа, сифилиса².

Общая численность населения на Дальнем Востоке и на Аляске (входившей в состав Российской Империи до 1867 г.) к середине XIX в. составляла: в Забайкалье – около 350 тыс. чел., в Амурской и Приморской областях (включая Крайний Север и Русскую Америку) – не более 50 тыс. чел. (большинство из которых было коренными жителями)³.

Первое русское население Дальнего Востока России состояло преимущественно из казаков и ссыльнопоселенцев.

Вот что об этом пишет князь П. А. Кропоткин в своей книге «Записки революционера»⁴: *«Все необъятное левое побережье Амура и берег Тихого океана, вплоть до залива Петра Великого, в течение двух столетий манили сибиряков... И вот явилась мысль выстроить по Амуру и по Уссури на протяжении 3500 с лишком верст цепь станиц и таким образом установить правильное сообщение между Сибирью и берегами Великого океана. Для станиц нужны были засельщики, которых Восточная Сибирь не могла дать. Тогда Муравьев прибег к необычным мерам. Ссыльнокаторжным, отбывшим срок в каторжных работах и приписанным к кабинетским (т.е. государственным) промыслам, возвратили гражданские права и обратили в Забайкальское казачье войско. Затем часть их поселили по Амуру и по Уссури. Возникли, таким образом, еще два новых казачьих войска.*

Затем Муравьев добился освобождения тысячи каторжников, которых решили устроить как вольных переселенцев по низовьям Амура. Отправляя их на новые места, Муравьев, перед тем, как они сели на плоты, чтобы плыть вниз по Шилке и Амуру, произнес им речь: «С Богом, детушки! Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем, начните новую жизнь» и т.д.

² Головнин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головниным. М.: Мысль, 1965. С. 211.

³ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма: XVII в. – февраль 1917 г. М.: Наука, 1991. С. 347.

⁴ Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. С. 88.

Русские крестьянки почти всегда добровольно следуют в Сибирь за сосланными мужьями. Таким образом, поселенцы имели свои семьи. Но были и холостые, которые заметили Муравьеву: «Мужик без бабы – ничего; жениться нам нужно».

Генерал-губернатор сейчас же согласился, велел освободить каторжанок и предложил им выбрать мужей. Времени терять было нельзя. Полая вода быстро спадала в Шилке, плотам следовало сниматься.

Тогда Муравьев велел поселенцам стать на берегу парами, благословил их и сказал: «Венчаю вас, детушки. Будьте ласковы друг с другом; мужья, не обижайте жен, и живите счастливо».

Я видел этих новоселов лет шесть спустя после описанной сцены. Деревни были бедны; поля пришлось отвоевывать у тайги, но в общем мысль Муравьева осуществилась, а браки, заключенные им, были не менее счастливы, чем браки вообще. Добрый, умный епископ Иннокентий Амурский признал впоследствии эти браки и детей, рожденных в них, законными и приказал так и отметить в церковных книгах».

С середины XIX в. начинаются плановые переселения на Дальний Восток (преимущественно в Приамурье и Приморье).

Исследователи обычно выделяют следующие этапы заселения Дальнего Востока в 1860 – 1910-е гг., имеющие выраженный этнический компонент:

Первый этап (1861 – 1881 гг.) – переселения русских крестьян пешком и на гужевом транспорте.

Современник тех событий вспоминает: *«Испытания, которым подвергались наши первые переселенцы в своем далеком горестном путешествии, были несправедливо жестокие... Невольно приходишь в содрогание от тех невыносимых страданий, которые вынесли на своих крепких плечах наши пионеры Дальнего Востока»⁵.*

По свидетельству известного путешественника XIX в. Н. И. Пржевальского о положении русского населения в Уссурийском крае, до Дальнего Востока в то время добиралось не более 2 – 3 % от числа всех переселенцев⁶.

За 20 лет на Дальний Восток в общей сложности прибыло около 16 тыс. чел., было основано 38 казачьих станиц и 96 крестьянских селений⁷.

Второй этап (1882 – 1891 гг.) связан с открытием морского сообщения между Одессой и Владивостоком. Переселения интенсифицируются, в составе переселенцев преобладают украинцы и белорусы. За эти годы на Дальний Восток прибыло около 26 тыс. чел., возникло 111 новых селений⁸.

⁵ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма... С. 269.

⁶ Пржевальский Н. И. Путешествие в Уссурийском крае 1868-1869 гг. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1990. С. 107.

⁷ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма... С. 270.

⁸ Там же.

Третий этап (1892 – 1901 гг.) начался с открытия железнодорожного сообщения между центральной Россией и Дальним Востоком (строительство Транссибирской железнодорожной магистрали). Темпы переселений еще более увеличились. За эти годы в регион прибыло более 73 тыс. чел. *разных национальностей* с преобладанием русского городского и сельского населения⁹.

Четвертый этап (1909 – 1916 гг.) охватывает плановые переселения, осуществлявшиеся под контролем «Комитета по заселению Дальнего Востока», образованного в 1909 г. под председательством П. А. Столыпина.

В общей сложности в 1901 – 1916 гг. на Дальний Восток переселилось 287 тыс. чел., большую часть которых составляли этнические русские и украинцы. Общая численность населения Дальнего Востока вместе с Забайкальем к 1914 г. составила 1,7 млн чел.¹⁰

Дополнительным фактором, повлиявшим на рост этнического разнообразия населения Дальнего Востока России, стала миграция китайского и корейского населения, главным образом трудовая (хотя многие оседали и на постоянное место жительства), начавшаяся уже с 1860-х гг.

Этнический состав населения Дальнего Востока СССР в советское время.

Переселения на Дальний Восток, вынужденно прерванные в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции (1917 – 1922 гг.), продолжились с 1925 г., когда был создан «Всесоюзный переселенческий комитет». С этого времени началось плановое переселение на Дальний Восток крестьян, рабочих и специалистов.

Основными задачами переселения в годы коллективизации и индустриализации в СССР были:

- 1) развитие промышленной базы на Дальнем Востоке (преимущественно ВПК);
- 2) освоение целинных земель;
- 3) увеличение плотности населения в приграничных районах (на территориях Дальнего Востока России, граничивших с Китаем в 1920-е гг., плотность населения не превышала 8 чел. на 1 кв. км, в то время как в Китае, Корее, Японии она составляла от 50 до 400 чел. на 1 кв. км).

Известный дальневосточный ученый и общественный деятель В. К. Арсеньев в секретном докладе Далькрайкому ВКП(б) в 1928 г. писал об этом: *«Надо помнить правило, что территория, остающаяся без населения и естественных преград, в любое время беспрепятственно может стать добычей задыхающегося от перенаселения соседнего империалистического государства»*¹¹.

⁹ Там же. С. 283.

¹⁰ Там же. С. 283-287.

¹¹ Арсеньев В. К. Доклад Дальневосточному краевому комитету ВКП(б) // Жёлтая опасность. Владивосток: Изд-во «Ворон», 1996. С. 54.

Значительную долю в составе переселенцев составляли спецпереселенцы: раскулаченные, ссыльные, политические, старoverы, к которым после окончания Великой Отечественной войны добавились «бандеровцы» и «лесные братья» из Западной Украины и Прибалтики. С присоединением Южного Сахалина население региона пополнилось несколькими десятками тысяч корейцев. Таким образом, этническое разнообразие населения Дальнего Востока России последовательно возрастало.

В 1950 – 1980-е годы переселения продолжались, но темпы их постепенно сокращались. Так, с 1951 по 1985 гг. на Дальний Восток было переселено около 700 тыс. сельских жителей, более 250 тыс. рабочих для промышленности. Если в 1970-е гг. в регион ежегодно переезжало по 8 – 10 тыс. чел., то в 1980-е гг. – не более 3 – 5 тыс. чел.¹² Одновременно обострилась проблема *обратничества* – значительная доля переселенцев возвращалась обратно в силу бытовой неустроенности. Нестабильность постоянного состава населения Дальнего Востока РСФСР стала фактором, негативно влиявшим на его социально-экономическое развитие.

Одновременно с конца 1950-х гг. в масштабах СССР была предпринята попытка практической реализации идеи формирования новой исторической общности – *советского народа*, национального по форме и социалистического по содержанию. Одним из инструментов для проведения этого эксперимента стало чисто механическое смешивание этносов, проживавших в СССР, путем интенсификации миграций из областей с преимущественно русским населением на так называемые национальные окраины. Дальний Восток в те годы рассматривался своего рода экспериментальной площадкой для апробации этого проекта.

С этой целью уже в 1950-е гг. было активизировано русское переселение в Якутию; в 1950 – 1980-е гг. практиковались переселения на Дальний Восток групп населения из всех республик СССР (помимо русских, прежде всего жителей Кавказа и Средней Азии, страдавших от перенаселения вследствие высокой рождаемости). Зоной интенсивного интернационального освоения стала Всесоюзная стройка БАМа. Все это породило проблему адаптации переселенцев в принимающей, преимущественно русскоязычной среде, которая не решена и по сей день.

Этнический состав населения Дальнего Востока России в 1990 – 2000-е гг.

Распад СССР и последовавшие за этим драматические события в судьбах народов, некогда составлявших единую общность советских людей, коснулись и населения Дальнего Востока России. Уже в середине 1990-х гг. демографы зафиксировали ситуацию, которая вошла в научный и общественно-политический лексикон под названием «русский крест»,

¹² Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. С. 38.

который был образован пересечением двух переменных, графически обозначивших снижение естественного прироста населения на Дальнем Востоке, связанное с падением рождаемости и ростом смертности (рис. 1)¹³.

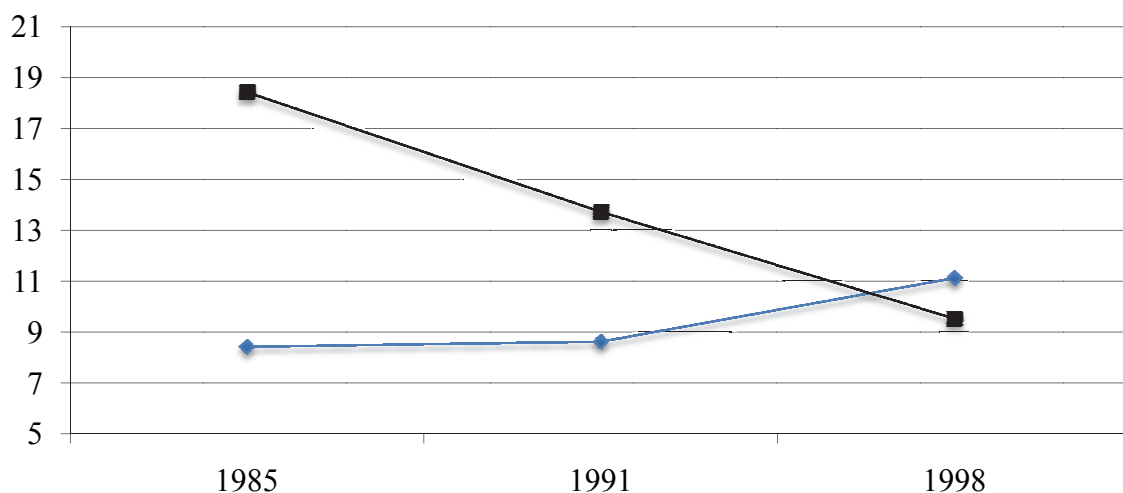

Рис. 1. Коэффициенты рождаемости и смертности на Дальнем Востоке России:
—♦— смертность; —■— рождаемость

Одновременно усилились миграции с Дальнего Востока России в его западные регионы и за рубеж. Только в 1990-е гг. миграционный отток составил около 400 тыс. чел. К началу 2010-х гг. темпы миграций уменьшились, но не прекратились вовсе. Параллельно с этим возник и последовательно возрастал приток трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья: Республик Средней Азии, Китая, Вьетнама и др. Все это создало сложную этнополитическую и этноконфессиональную ситуацию, чреватую конфликтами на межнациональной и межэтнической почве.

Следствием таких процессов стало явление, которое известный дальневосточный ученый-политолог И. Ф. Ярулин назвал «этнический сдвиг». Примером подобного «сдвига» стало изменение этнической структуры населения Хабаровского края между переписями населения 1989 и 2010 гг. (табл. 1).

¹³ Составлено по: Миндогулов В. В. Некоторые тенденции воспроизводства населения Дальнего Востока на этапе перехода к рынку // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 116-119.

Таблица 1

Этническая структура населения Хабаровского края
по данным переписей населения 1989 и 2010 гг.¹⁴

Национальности	1989		2010	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Русские	1559	86,1	1183	91,8
Украинцы	113	6,2	27	2,1
Народы Севера	23	1,3	23	1,7
Татары	18	1,0	8	0,6
Корейцы	–	–	8	0,6
Белорусы	20	1,1	5	0,4
Мордва	–	–	1	
Евреи	14 (в том числе ЕАО)	0,8	3 (ЕАО – 2,3)	0,2
Чуваши	4	0,2	1	
Казахи	2	0,1		
Якуты	2	0,1	1	
Китайцы			4	0,3
Азербайджанцы			4	0,3
Узбеки			3	0,2
Армяне			3	0,2
Немцы			2	0,2
Башкиры			1	
Молдаване			0,9	
Цыгане			0,8	
Прочие (более 100 национальностей)	57	3,1	55	4,1
Всего	1812		1342	

1.2. Национальные отношения и национальная политика в регионе в XIX в. – 1980-е гг.

На протяжении практически всех лет нахождения территорий Дальнего Востока в составе Российской Империи и СССР наибольшее внимание общественности, ученых и политиков в плане развития межнациональных (межэтнических и межконфессиональных) взаимодействий и практической реализации национальной политики государства в их отношении привлекали коренные народы Севера, мигранты из Китая и Кореи, а позже – евреи в Еврейской автономной области.

¹⁴ Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 56.

Взаимоотношения с коренными народами Севера.

С 1822 г., когда в России был принят первый закон, регулировавший отношения с коренными народами Севера, и вплоть до 1924 г. в стране реализовывалась политика невмешательства в дела аборигенов (так называемая государственно-охранительная политика). В 1924 г. была образована специальная структура – *Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера)*, официально декларированной целью деятельности которого было преодоление негативных явлений в их среде, прежде всего депопуляции, вызванной высокой смертностью и низким качеством жизни, а параллельно с этим – советизация и русификация (фактически – насильственная модернизация), последствия которых для коренных народов сегодня оцениваются неоднозначно.

С одной стороны, это привело к выравниванию их социально-экономического и культурного уровня с народами России, с другой – способствовало утрате в значительной степени национальной самобытности и самосознания, языка и культуры и даже, как утверждают некоторые исследователи, началу социокультурной деградации малочисленных народов региона.

В 1920 – 1930-е гг. происходило национально-государственное оформление коренных народов, которое в те годы рассматривали в качестве важнейшего условия их преобразования в социалистические народности (по теории И. В. Сталина о преобразовании племен в народности и народностей в нации): в 1922 г. была образована Якутская АССР, в 1930 г. – Чукотский, Корякский, Охотско-эвенский (просуществовал до середины 1930-х гг., затем на его территории был образован Севвостлаг с центром в г. Магадане) национальные округа (с 1977 г. – автономные округа).

Также в начале 1930-х гг. были образованы многочисленные национальные районы в местах компактного проживания коренных народов Севера (так называемые тузсоветы – туземные национальные советы). На Дальнем Востоке РСФСР их было более ста. Однако уже в середине 1930-х гг. в связи с принятием новой Конституции СССР (Сталинской), в которой было заявлено, что национальный вопрос в СССР решен полностью и окончательно, почти все национальные районы были ликвидированы. Остались немногие, например, в Хабаровском крае – Нанайский и Ульчский районы, но и те были «национальными» лишь по названию, а по существу ничем не отличались от остальных административных образований края.

Китайская и корейская иммиграция.

В соответствии с Айгунским договором 1858 г. между Российской и Цинской (Китай) империями на территории Российского Приамурья (в Зейском округе Амурской области) оставались китайские селения (в них проживали маньчжуры – подданные китайского императора).

Помимо них, в течение всей 2-й половины XIX в. на территорию российского Дальнего Востока постоянно прибывали все новые группы китайцев и корейцев, причем если корейцы стремились остаться там навсегда, то китайцы, как правило, приезжали на сезонные работы (их называли *манцзы*). Те, кто стремился закрепиться в России, женились на русских девушках (в том числе и потому, что китайнок/корейнок среди них почти не было).

В 1900 – 1901 гг. в приграничных с Манчжурией районах России произошел вооруженный русско-китайский конфликт, сопровождавшийся массовым уничтожением китайцев в Амурском и Хабаровском округах. На несколько лет китайцы были изгнаны с территории Дальнего Востока России. К этому времени относится появление мифа, рожденного прессой тех лет, о так называемой «желтой угрозе» – опасности захвата Дальнего Востока России китайцами путем массовых миграций, постепенной экономической экспансии.

Вплоть до сегодняшнего дня единого мнения на этот счет в России так и не сложилось. Одни политики, ученые, а более всего журналисты продолжают говорить, что китайская миграция на Дальний Восток представляет реальную опасность для нашего общества и государства, другие полагают, что эта опасность сильно преувеличена, третьи, вообще, считают, что Китай исторически не способен на военно-политическую экспансию, наконец, четвертые утверждают, что проникновение китайцев на Дальний Восток полезно для его экономического развития ввиду острого дефицита рабочих рук и т.д.

Как бы то ни было, с 1903 г. началось повторное заселение территории Дальнего Востока России китайцами. Очень скоро их численность превзошла ту, которая была до начала конфликта. Во Владивостоке появился первый китайский район («чайнатаун») – «Миллионка», в разных районах – китайские селения; китайские рабочие, преимущественно занятые в сфере услуг, жили уже не только на Дальнем Востоке, но и во всей России (особенно много их было в Москве и Санкт-Петербурге). По официальным данным в 1910 г. только в Приморье и Приамурье было около 90 тыс. китайцев¹⁵.

Революционные события 1917 – 1922 гг. привлекли большинство китайцев и корейцев на сторону советской власти, многие из них были активными участниками боев на стороне Народно-революционной армии Дальневосточной республики.

После окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке, в 1920-е – начале 1930-х гг., продолжалось увеличение числа китайцев и корейцев за счет тайного проникновения из Китая и Кореи, находившихся тогда под

¹⁵ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма... С. 478.

властью Японии. В 1926 г. в РСФСР проживало уже 168 тыс. корейцев и более 100 тыс. китайцев (только по официальным данным)¹⁶.

В 1937 г., когда военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке резко обострилась из-за агрессивной политики правительства Японии, советские власти пошли на беспрецедентный для того времени шаг – массовую депортацию китайцев и корейцев с территории Дальнего Востока РСФСР. В течение 2 – 3 месяцев практически все корейцы были выселены в республики Средней Азии и Казахстан, а китайцы депортированы на родину.

Только лишь в середине 1950-х гг. корейцам позволили вернуться на их историческую родину – Дальний Восток, но большинство предпочло остаться на новых местах поселения. Тем не менее их число на Дальнем Востоке постепенно стало возрастать: в конце 1980-х гг. на Сахалине проживало уже 35,2 тыс. корейцев, в Приморье – 8,5 тыс. чел., в Хабаровском крае – 8,3 тыс. чел. Что касается китайцев, то после выселения в 1937 г. и вплоть до начала 1990-х гг. в СССР их практически не было (по переписи 1989 г. во всем СССР проживало всего 5,2 тыс. китайцев)¹⁷.

Еврейский вопрос на Дальнем Востоке.

До 1917 г. еврейское население в царской России было поражено в правах, что выражалось, в частности, в том, что они могли селиться только в строго отведенных местах (так называемых зонах оседлости), заниматься только определенными видами деятельности и т.д.

Советское правительство во главе с И. В. Сталиным вознамерилось решить вековой «еврейский вопрос», т.е. освободить еврейское население от всех форм дискриминации. Однако сделано это было своеобразно. В мае 1934 г. на Дальнем Востоке РСФСР для этого было образовано «первое в истории евреев национальное образование» – Еврейская автономная область.

Официально это было сделано для того, чтобы дать евреям «землю обетованную» – решить пресловутый еврейский вопрос, а фактически – загнать их подальше от Москвы и в перспективе вычистить СССР от всех представителей этой национальности. Еще в начале 1950-х гг. в Министерстве государственной безопасности строились планы по принудительному выселению всех евреев в ЕАО с параллельным уменьшением их численности путем массовых репрессий.

К счастью, такие планы не были осуществлены, этому помешали смерть И. В. Сталина и последовавшее за тем развенчание его культа личности.

В 1950 – 1980-е гг. в СССР проводилась официальная политика и идеология социалистического интернационализма, а фактически – явная и скрытая русификация нерусских народов. Наиболее явно это проявилось в системе народного образования. С 1963 г. были запрещены национальные

¹⁶ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока... С. 116.

¹⁷ Там же.

школы вне национально-государственных образований СССР. С этого времени на территории РСФСР, например, все дети независимо от национальности должны были учиться в русских школах. Сохранение национального языка, культуры, традиций и обычаев допускалось только в семье.

Последствия этого проявляются по сей день: утрата национальных корней многими народами России, маргинальное положение (ни русский, ни нерусский), формирование общественного мнения о «неполноценности» нерусских граждан России.

1.3. Национальный вопрос и национальная политика на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI вв.

Этническое возрождение коренных малочисленных народов Севера.

Политика по отношению к коренным народам Севера с 1991 г. вновь кардинально изменилась и была направлена на предоставление им большей самостоятельности в решении собственных проблем. Однако попытка возрождения национальных культур, предпринятая в те годы, во многом осталась безуспешной. До сих пор наиболее очевидной перспективой для значительного числа представителей коренных народов Севера на Дальнем Востоке является полная ассимиляция среди русскоязычного населения (на юге – быстрее, на севере – медленнее).

Попыткой решения проблем коренных народов Севера стало создание в 1991 г. общественной организации – Ассоциации народов Севера, однако ее деятельность, продолжающаяся по настоящее время, пока к кардинальному изменению положения этих народов не привела.

Культурно-национальная автономия этнических групп, проживающих на Дальнем Востоке России (украинцев, казаков, корейцев, евреев, поляков, немцев и др.) стала еще одним направлением практической реализации национальной политики российского государства. Только в Хабаровске к началу 2000-х гг. было создано более 20 культурно-национальных центров.

Проблема беженцев и гастарбайтеров из государств Средней Азии и Кавказа возникла в 1990-е гг. и последовательно обострялась вплоть до 2010-х гг. При том что их общая численность в регионе сравнительно невелика (десятые доли процента), само их присутствие вызывает общественное напряжение, сопровождается конфликтами на индивидуальном и групповом уровне. Особенно это заметно в столицах дальневосточных краев и областей, где их высокая концентрация объективно связана с потребностями развития региональных экономик.

Главной проблемой сегодня остается отсутствие толерантности представителей разных национальностей по отношению друг к другу и, прежде всего, принимающего населения к мигрантам.

Возрождение «китайского» вопроса.

В 1990 – 2010-е гг. резко возросло присутствие китайцев не только на Дальнем Востоке, но и во всей России. Фактически стала повторяться ситуация начала XX в., только в больших масштабах – по разным оценкам сегодня в России проживает от 1 до 5 млн китайцев, хотя некоторые исследователи утверждают, что эта цифра сильно завышена.

Китайское присутствие вновь стали рассматривать в качестве «желтой угрозы» национальной безопасности нашего государства.

Корейская проблема менее остра, чем китайская, но также имеет тенденцию к обострению. После того как в начале 1990-х гг. корейцы, выселенные с Дальнего Востока в 1937 г., были официально реабилитированы, усилился приток корейских переселенцев на юг региона, прежде всего в Приморский край. Там возникли районы их компактного проживания. Это позволило поставить вопрос о создании корейской автономии на территории Приморья. Русское население выразило недовольство по этому вопросу. Пока он не решен, но и не снимается с повестки дня.

Современная ситуация.

Сегодня из 176 зарегистрированных в Российской Федерации народов на Дальнем Востоке проживают представители 140 этнических групп. Наиболее многочисленные: украинская, еврейская, армянская, корейская и татарская диаспоры.

В результате трудовой миграции в последние годы многократно возросла численность выходцев из Средней Азии и Северного Кавказа, прибывающих в регион на работу и остающихся там для постоянного проживания.

Особое положение в местной этнической структуре занимают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, составляющие основу традиционной культуры территорий.

Одной из попыток решения этнических проблем региона стало создание межнациональных общественных организаций. Так, в Хабаровском крае в 2000 г. была образована Международная ассоциация национальных культур Хабаровского края, объединившая 12 национально-культурных центров. В 2011 г. ее заменила Ассамблея народов Хабаровского края. При губернаторе Хабаровского края работают Общественный совет по религиозным объединениям, Совет по гармонизации межэтнических отношений, развитию национально-культурных связей. Краевые власти оказывают поддержку коренным малочисленным народам, благодаря чему удалось сохранить уникальную культуру Приамурья.

Тем не менее проблемы остаются. Одна из наиболее острых – отсутствие общественных структур, представляющих интересы русского этноса. Это не случайно: русские – особое национально-культурное образование, во многом далеко выходящее за границы чистого этноса. Они занимают особое положение в ряду народов России, формируя социокультурное про-

странство межэтнического взаимодействия. Русским националистам это не нравится. В последние годы это стало основанием для обострения межнациональных отношений на Дальнем Востоке и в России в целом.

Выводы по теме

1) Дальний Восток исторически складывался как полиэтнический и поликонфессиональный регион. На его территории не только пересеклись миграционные потоки многих народов Европы и Азии, но и наложились ареалы российской (прежде всего, русской), дальневосточной (главным образом, китайской) и палеоазиатской (коренных народов Севера) цивилизаций. Это во многом определило своеобразие внешнего облика дальневосточников и специфику их культуры.

2) В течение последних 100 лет на территории Дальнего Востока России межкультурные и межконфессиональные взаимодействия не сопровождались сколько-нибудь серьезными столкновениями и конфликтами. Этому служила как продуманная национальная политика царского, а затем советского государства, так и менталитет населения, большая часть которого осознавала пионерный характер освоения региона, предопределивший отношение к его территории не как к «земле предков», а как к «территории вселения», которая в равной мере принадлежит всем мигрантам, независимо от их расовой, этнической и конфессиональной принадлежности.

3) Такое положение может измениться в худшую сторону, если государство и местная власть не будут проводить продуманную национальную политику по отношению ко всем народам Дальнего Востока, в том числе и русским.

Вопросы и задания

1) Какие тенденции характерны для современных социально-демографических процессов в Дальневосточном регионе?

2) Насколько благополучно (неблагополучно) на общем дальневосточном и российском демографическом фоне выглядит Ваш край (область, район, город)?

3) Какие проблемы, на Ваш взгляд, нуждаются в решении, для того чтобы по возможности оптимизировать социально-демографическое состояние Дальнего Востока?

4) Что лично Вы могли бы предложить для превращения Дальнего Востока в зону социально-демографического благополучия?

5) Найдите в статистических справочниках данные об изменении численности населения Вашего края (области), города (села) в 1950 – 2000-е гг. Какие выводы Вы можете сделать на основании этих данных?

2. МИГРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ОЧЕРК ТЕОРИИ¹⁸

2.1. Миграция как социальный феномен

Термин «миграция» в переводе с латинского (*migration*) означает «переселяться». В своем первоначальном значении термин «миграция» связан с английским глаголом «путешествовать пешком, странствовать». Наиболее часто термин «миграция» используется в значении «совокупность перемещений с целью перенести место пребывания кого-либо».

В современной отечественной науке существует около 40 определений миграции. Наиболее распространенным является определение Л. Л. Рыбаковского, который предлагает называть миграцией *любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности*.

Миграционные перемещения населения можно наблюдать с начала человеческой истории. Это и бегство от естественных бедствий, неблагоприятных климатических условий, голода, территориальной агрессии со стороны враждебных общин, и другие формы перемещений. Главные мировые религии основаны на притчах о различных перемещениях, включающих изгнание и спасение, блуждание и окончательное переселение для строительства новых поселений и основания новых религий.

Со 2-й половины XX в. миграционные процессы обрели поистине глобальные масштабы, охватив все континенты планеты, социальные слои и группы, различные сферы общественной жизнедеятельности. Взаимосвязи между миграциями и социальными изменениями стали более глубокими, чем на всех предшествующих этапах, а сами миграционные процессы – одними из главных причин и факторов социальных изменений как в обществах получения (приема), так и в обществах отдачи (исхода) мигрантов.

После распада Советского Союза миграционные процессы на всем постсоветском пространстве стали органической частью всемирного движения населения. Постсоветские миграции вливаются в мировые потоки и сами подвергаются их влиянию.

Социально-экономическая трансформация российского общества привела в 1990-е гг. к существующему изменению миграционных процессов в Российской Федерации, повышению их социальной значимости.

Миграции населения, сыгравшие огромную роль в истории России, будут иметь еще большее значение для ее развития в наступившем столе-

¹⁸ Текст главы составлен по материалам учебного пособия: Юдина Т. Н. Социология миграции: учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2006. 272 с.

тии. Россия в 1990-е гг. из страны, главным образом отдающей население, превратилась в страну, принимающую население. При этом иммиграция в Россию стала носить масштабный характер. Например, за 1990-е гг. из стран СНГ и Балтии в Россию переехало более 8 млн чел. Всего за 1992 – 2000 гг. статус вынужденного переселенца и беженца получили более 1,6 млн чел. Кроме того, в Россию идет большой поток временных трудовых и коммерческих мигрантов. Получила развитие незаконная миграция, масштабы которой оцениваются в 1 – 1,5 млн чел. Процесс расселения вынужденных мигрантов идет по всей территории России, часто обостряя проблему обеспечения стабильной совместной жизни различных социальных, в том числе и этнических, групп в общем социуме.

В связи с естественной убылью населения России миграция, по меньшей мере, до середины века станет почти единственным источником пополнения трудовых ресурсов страны. Влияя на общую численность населения и на его социально-экономическую структуру, миграция превращается в постоянную составляющую политического, социально-экономического и культурного развития общества, в одну из причин изменения самого типа общества. Поэтому миграционные процессы и их последствия являются чрезвычайно важным фактором для оценки перспектив развития общества.

2.2. Основные тенденции современных миграционных процессов в России и в мире

2.2.1. Увеличение объемов и расширение географии миграции

В настоящее время в мире насчитывается около 175 млн мигрантов, почти 3 % населения планеты, в миграционный оборот втянуто 218 стран мира. С 1970 по 2004 гг. численность мигрантов более чем удвоилась. При этом их число росло быстрее, чем население земного шара. Из общего числа мигрантов около 9 % – беженцы. На конец 2004 г. в мире насчитывалось около 21 млн беженцев.

Происходит концентрация международных мигрантов в определенных странах и регионах мира. В настоящее время 60 % всех мигрантов мира проживают в Европе (56 млн чел.), Азии (50 млн чел.) и Северной Америке (41 млн чел.). Почти каждый десятый житель более развитых регионов мира является мигрантом. В то же время в развивающихся странах мигрантом является только один из 70 человек.

По данным ООН, наибольшее количество мигрантов в 2000 г. проживало в США (35 млн чел.), Германии (7 млн чел.), Франции (6,3 млн чел.), Индии (6,2 млн чел.), Канаде (5,8 млн чел.), Саудовской Аравии

(5,2 млн чел.), Австралии (4,7 млн чел.), Великобритании (4 млн чел.), Израиле (2,3 млн чел.).

За период с 1991 по 2001 гг. в Россию въехало, по официальным данным, 7,1 млн чел., а выехало, по данным МВД России, примерно 2,5 млн чел. Сегодня в России есть иммигранты из всех республик бывшего Советского Союза и более чем из 60 стран мира. В страны дальнего зарубежья из России за эти годы выехало примерно 1,1 млн чел.

Существует две основные модели взаимодействия материнского государства со своей диаспорой: *репатриационная* и *диаспоральная*. Репатриационная модель состоит в разработке политики, помогающей возврату этноса в страну исхода; диаспоральная – в содействии нормальному развитию и функционированию этого этноса в другой стране, в защите его интересов.

В мировой практике широко используются обе модели: курс на репатриацию в основном сегодня характерен для Германии и Израиля, диаспоральная модель – для Китая, Кореи и, в определенной мере, для Японии.

Российской диаспоры до недавнего времени не существовало. Российская колонизация рассматривалась как внутренняя. Но после распада Советского Союза все изменилось: более 17 % живущих в СССР русских оказались за пределами России. Появились все основания рассматривать их как русскую диаспору. Такая интерпретация соответствует и самоощущению многих русских, оставшихся за пределами России. Ощувив себя национальным меньшинством, испытав социальный, политический, культурный, экономический дискомфорт, многие из них оказались в ситуации выбора их дальнейшей стратегии поведения: возвращаться на историческую родину или нет.

Россия не выработала однозначной политики в отношении своей диаспоры: после 1995 г. шаги российского правительства свидетельствовали о решении государства идти в направлении диаспорального варианта политики, однако заявления о депопуляции и необходимости и даже готовности принимать из бывших советских республик около 700 тыс. чел. ежегодно для поддержания численности населения России опять направили вектор в сторону политики репатриации.

2.2.2. Появление новых типов мигрантов, увеличение разнообразия их социокультурных характеристик

Наиболее распространенные типы миграций в мире до 1990 г.:

- переезд на постоянное место жительства (традиционная эмиграция);
- временная трудовая миграция;
- движение беженцев.

Тенденции последних 10 лет привели к большому разнообразию потоков, смешиванию их типов и появлению новых типов:

- миграции высококвалифицированной рабочей силы («утечка мозгов» – высококвалифицированные менеджеры, администраторы, специалисты, техники и др. перемещаются в пределах внутренних трудовых рынков межнациональных корпораций и международных организаций или ищут работу через международные рынки труда);

- эмиграция малоквалифицированных работников («утечка мускулов» – выезд людей трудоспособного возраста, не обладающих высокой квалификацией и профессиональными навыками; их единственная цель – заработать на любых видах работ);

- выезд российских спортсменов («утечка мышц» идет как среди действующих спортсменов, особенно хоккеистов, так и тех, кто закончил свою спортивную карьеру, но продолжает тренерскую работу);

- выезд российских девушек и женщин для замужества за границей («утечка невест»);

- эмиграция творческой интеллигенции («утечка талантов» – знаменитых артистов, певцов, кинорежиссеров и др.);

- выезд ученых, элитных специалистов («утечка умов», являющаяся для России наиболее важной проблемой).

Прогнозы масштабов эмиграции из России в западные страны на 2015 г.: от 7 млн до 11 млн чел.

2.2.3. Расширение вынужденной миграции

По оценкам специалистов, в общей сложности около 50 млн чел. в мире могут на сегодняшний день считаться жертвами вынужденного перемещения. После распада Советского Союза порядка 9 млн чел. в странах СНГ оставили свои дома или были перемещены из мест постоянного проживания. Наряду с увеличением масштабов вынужденного перемещения населения его географические рамки за последние годы также расширились.

В последние годы XX в. эта проблема приобрела особую остроту. В первую очередь, это резкое увеличение масштабов вынужденного перемещения – с 2 млн чел. в начале 1950-х гг. до 50 млн чел. в настоящее время. Есть основание полагать, что массовые вынужденные переселения людей и в наши дни могут не только сохранять большие масштабы, но и происходить в более короткие отрезки времени.

Особая категория беженцев в Россию – беженцы из дальнего зарубежья. На 2002 г. официальный статус беженца из этих стран в России получило всего 505 человек. Несмотря на это Россия из-за принятия на себя без всяких оговорок и исключений обязательств по предоставлению статуса беженцев всем желающим стала территорией массового притяжения

иностранных мигрантов из дальнего зарубежья. В г. Москве региональным представительством Управления Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН зарегистрированы свыше 50 тыс. чел. как «нуждающиеся в убежище». Среди иностранцев, претендующих на статус беженцев, выходцы из Афганистана, Ирака, Сомали, Анголы, Шри-Ланки, Эфиопии, Заира, Ирана, Судана и других стран.

Первые вынужденные переселенцы в России появились в конце 1980-х гг. в связи с межнациональными конфликтами на территории Азербайджана, Армении и Узбекистана. Уже к концу 1990 г. в России было зарегистрировано 71,1 тыс. лиц, временно покинувших места постоянного проживания. Появление новых очагов вооруженных конфликтов на территории СССР способствовало притоку новых контингентов внутренне перемещенных лиц. На 1 января 2001 г. среди 782,2 тыс. вынужденных переселенцев только 18 % являлись гражданами Российской Федерации, вынужденно покинувшими место жительства на территории одного субъекта Российской Федерации и прибывшими на территорию другого субъекта Российской Федерации. Это переселенцы из Чеченской республики, Республик Ингушетия и Северная Осетия-Алания. Все остальные переселенцы (т.е. 82 %) являлись гражданами бывшего СССР и постоянно проживали на территории республик, входивших в состав СССР.

Экологические мигранты появляются по причине «экологического неблагополучия» территорий выезда. Так, например, в 1990 г. число лиц, сменивших место жительства по экологическим мотивам, составило в Российской Федерации примерно 500 тыс. чел. В середине 1990-х гг. отмечался стихийный отток населения из таких крупных индустриальных центров, как Кемерово, Ангарск, Кириши, Дзержинск и др.

Два блока проблем, с которыми сталкивается страна, принимающая вынужденных мигрантов:

1) гуманитарные проблемы, заключающиеся в максимальном обеспечении пострадавших людей условиями для полноценной жизни на новом месте;

2) стратегические проблемы, предполагающие достижение наибольшего эффекта от включения мигрантов в экономические, социальные, этнокультурные и иные общественные структуры принимающей стороны.

Особенность российской ситуации с беженцами и вынужденными переселенцами – в своем подавляющем большинстве это русскоязычное население, для которого возможен только один путь решения их проблем – быстрейшая интеграция.

Условия, необходимые для успешной интеграции в принимающем сообществе России:

1) правительство России должно быть полностью согласо на любые меры, облегчающие интеграцию беженцев, и активно поддерживать их;

2) местное население в районах проживания беженцев должно соглашаться с их присутствием, а это возможно при условии, что программы интеграции будут выгодными как для беженцев, так и для местного населения, и поощрять их к взаимодействию;

3) интеграция должна быть экономически жизнеспособной, что позволит найти надежное решение проблем беженцев. При этом программы должны быть адаптированы для каждой группы беженцев;

4) для успешного выполнения программ интеграции следует обеспечить эффективное внешнее финансирование, особенно на начальном этапе;

5) чтобы интеграция была прочной, беженцы должны в полной мере инкорпорироваться в новый социум.

2.2.4. Феминизация миграционных перемещений

Самый важный сдвиг в этой тенденции – если раньше женщины мигрировали в составе семейств, то сегодня их миграционные перемещения становятся самостоятельными.

Трафик женщин, которые становятся жертвами работорговли, подвергаются сексуальной эксплуатации и вовлекаются в проституцию, значителен. По данным Европейского Союза, только в Восточной и Центральной Европе жертвами преступлений становятся до 120 тыс. женщин ежегодно. По данным Интерпола, ежегодный оборот торговли людьми составляет 19 млрд долл. По данным доклада о работорговле Госдепартамента США, ежегодно от 700 тыс. до 4 млн чел. в 89 странах мира «покупаются, продаются, перевозятся и содержатся в рабских условиях против их воли».

Россия вместе с Белоруссией, Арменией, Таджикистаном, Киргизией и еще 14 странами вошла в «группу 3» – самых злостных нарушителей отмены работорговли в мире. *«Россия является главным образом поставщиком женщин и детей, которые продаются в целях проституции в страны Западной Европы, Ближнего Востока и Северной Америки. Действия Правительства РФ все еще не соответствуют минимальным стандартам в области борьбы с торговлей людьми»*, – утверждают докладчики по России в Европейском Союзе.

2.2.5. Использование эмигрантов для решения проблем занятости

Это означает фактическое правительственное участие в вербовке рабочей силы, регулирование действий неправительственных организаций или просто невмешательство в отношении спонтанных передвижений. Некоторые азиатские страны даже создали специальные департаменты (или агентства) по управлению трудовой эмиграцией. Однако регулирование трудовой эмиграции часто бывает неэффективным, т.к. большое коли-

чество эмигрантов перемещается незаконно. Это, в свою очередь, позволяет принимающей стороне не соблюдать никаких обязанностей по отношению к ним.

Большинство государств, поощряющих эмиграцию, обеспечивают определенный диапазон услуг, включающий ориентационные семинары, специальные консультации с должностными консульскими лицами для выезжающих мигрантов и т.д. Однако эти меры малоэффективны по следующим причинам:

1) они не распространяются на тех эмигрантов, которые прибыли в страну нелегально, а, как правило, у них-то и возникают проблемы;

2) число консульских должностных лиц слишком мало, чтобы справиться с обилием обращающихся за консультацией или помощью;

3) даже легальные мигранты часто боятся жаловаться на плохое обращение. Кроме того, официальные лица стран эмиграции часто колеблются выставлять иски предпринимателям принимающей страны, т.к. боятся, что впредь они могут предпочесть приглашать работников из других стран.

Сегодня также отсутствуют скоординированные правительствами стратегии, содействующие адаптации возвращающихся мигрантов:

– большинство мигрантов, возвращающихся в свою собственную страну, встречают трудности в обустройстве, часто не имеют возможности реализовать мастерство, которое они приобрели, находясь в эмиграции;

– часто они начинают заниматься малым предпринимательством, но такие попытки в большинстве случаев бывают неудачны;

– не осуществляются адекватные консультирование и информирование прибывающих по проблемам их обустройства, получения инвестиционных кредитов;

– отсутствуют сотрудничество между странами эмиграции и иммиграции, посредничество в нем международных организаций и особенно поддержка их правительственными и неправительственными организациями.

2.3. Миграционные процессы в контексте глобализации

Экономические, политические и культурные аспекты глобализации, заметно ускорившейся на рубеже XX – XXI вв., существенно повлияли на специфику современных миграций. Наиболее заметно это проявилось в следующем:

1) углубляются различия в режимах демографического воспроизводства населения: рождаемость в развитых странах падает, способствуя депопуляции в них, старение населения ведет к сокращению численности рабочей силы, а следовательно, к потребности в мигрантах; в развивающихся странах, наоборот, сохраняется рост общей численности населения, из-за высокой рождаемости формируется относительно молодая структура

населения, а из-за слабой включенности в глобальную экономику усугубляется бедность, конфликты, поэтому миграция в них становится одним из способов выживания для миллионов людей;

2) усиливается поляризация жизненного уровня населения в развитых и развивающихся странах;

3) растет уровень перенаселенности в отсталых (в экономическом отношении) регионах мира;

4) углубляются различия в степени занятости трудоспособного населения, и растет уровень безработицы, вызывающий, прежде всего, трудовую миграцию.

На усиление миграционных процессов в будущем будут влиять:

- дальнейшая глобализация экономики;
- рост экономического различия между богатыми и бедными странами;

- различия в социальных, политических и религиозных свободах между странами, заставляющие людей искать через миграцию способы улучшения своей жизни;

- возможные политические и гражданские конфликты, следствием которых окажется поиск людьми более безопасных мест жительства;

- прогрессирующая деградация окружающей среды и т.д.

По прогнозам Международной организации по миграции (МОМ) ООН, к 2030 г. показатель миграционной активности населения в мире может составить около 300 млн чел.

2.4. Миграционная ситуация в России

Миграции являются важным источником восполнения дефицита экономически активного населения как в перспективе, так и в настоящее время. Заметная тенденция к расширению использования иностранной рабочей силы – одна из характерных черт занятости в современной российской экономике.

Причины официального привлечения в Россию работников из-за рубежа:

- появляются массовые рабочие места, которые на некоторых территориях являются малопривлекательными для местных жителей и не обеспечиваются притоком рабочей силы из других регионов страны;

- растет число предприятий с участием иностранного капитала (в 2001 г. на них было занято 1,7 млн чел., в числе которых в качестве руководителей и специалистов трудятся иностранцы);

- сохраняется практика деятельности иностранных компаний на территории России в форме реализации ими договоров подряда, по которым в 2001 г. трудились 39 % привлеченных иностранцев.

В последнее десятилетие рабочая сила в Россию привлекалась из более чем 100 стран. Из общего числа привлеченных (1,9 млн чел.) 48,8 % составили граждане стран-участниц СНГ и 51,2 % – из других государств. Бесспорный лидер по официальному предоставлению рабочей силы среди всех стран (32,6 %) – Украина. Среди остальных стран долгое время лидировала Турция, но начиная с 2000 г. ее обошел Китай, а в 2001 г. вплотную к ней приблизился Вьетнам.

Главная отрасль привлечения иностранцев – строительство (в 1995 г. – 55 %, 1998 г. – 51,5 % и 2001 г. – 39 %). Крупнейшими импортерами рабочей силы являются 5 регионов России (Москва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Приморский край и Московская область), на которые в последние годы приходится более половины общего привлечения иностранной рабочей силы.

Проблемы нелегальной миграции тесно связаны с ситуацией на рынке труда, качественными характеристиками трудовых ресурсов, проблемами теневой экономики, приграничных территорий, криминализации общества и обеспечения национальной безопасности государства.

Главный вопрос: нужны ли мигранты, стимулировать их приток в Россию или противодействовать ему?

Ответ на этот вопрос был дан в 2000 г. в докладе Отдела народонаселения ООН «Замещающая миграция: является ли она решением проблемы сокращения численности и старения населения?»:

1) иммиграция является единственной реальной альтернативой депопуляции в ближайшие десятилетия;

2) большинство стран, ныне столкнувшихся с естественной убылью населения, скорее всего прибегнут к иммиграционной политике для преодоления (или сдерживания) этого процесса, что приведет к значительному изменению миграционной ситуации в мире;

3) в том, что касается воздействия иммиграции на возрастную структуру каждой страны, то она не может остановить процесс старения, но может его несколько «замедлить», т.е. способствовать увеличению доли молодого населения;

4) в относительно долгосрочной перспективе популяция самих мигрантов усваивает демографические установки коренного населения с низкой рождаемостью и сама быстро стареет. В последующем, для того чтобы нивелировать это старение и поддержать численность населения на желательном уровне, придется привлекать еще большее количество мигрантов молодых возрастных групп. В результате «наркотическая» зависимость общества от притока мигрантов может привести к разрушению самого общества в его теперешнем виде и к необратимым переменам в социальной системе.

Два противоположных мнения о государственной миграционной политике в России:

1) на Россию «накатывают» волны незаконной миграции, которая может угрожать безопасности страны: народы России растворятся в миллионах представителей афро-азиатских этносов; национальной самобытности, экономической независимости и целостности государства придет конец; на пути этих волн срочно необходимы барьеры;

2) в условиях демографического кризиса необходим рост численности населения, возможный лишь за счет иммиграционного притока, который позволит обеспечить трудовыми ресурсами экономику; поэтому Россия должна принять всех желающих въехать на ее территорию (и поселиться на ней), в первую очередь и без всяких ограничений русскоязычных граждан бывшего Советского Союза.

Выводы по теме

1) Миграции являются универсальным социальным феноменом, сопровождающим человечество на всем протяжении его истории. Спецификой современных миграций являются их глобальный характер и вовлечение в них (в различных формах) практически всего населения планеты.

2) Распад СССР и включение бывших республик Советского Союза, в том числе России, в глобальные социально-экономические и политические процессы привели к распространению на ее территорию миграционных потоков и возникновению связанных с ними проблем, характерных для стран Западной Европы и США уже со 2-й половины XX в.

3) Основными тенденциями современных миграционных процессов стали: увеличение объемов и расширение географии миграции; появление новых типов мигрантов; расширение вынужденной миграции; феминизация миграционных перемещений; использование эмиграции для решения проблем занятости.

4) Миграционная ситуация в современной России характеризуется рядом негативных явлений, связанных, с одной стороны, с отсутствием продуманной государственной политики в их отношении, с другой – с неготовностью значительной части принимающего населения толерантно воспринимать людей иной культуры, иных, непривычных религиозных взглядов.

Вопросы и задания

1) Объясните понятия: миграция, эмиграция, иммиграция, внешняя, внутренняя миграция.

2) Кто в большей степени защищен социально: мигранты или иммигранты? Объясните, почему.

3) Женщине, не имеющей гражданства России, не имеющей средств для оплаты медицинских услуг, отказали в госпитализации в роддом. Считаете ли вы такое решение законным? Справедливым? Гуманным? Почему?

4) В чем суть политики мультикультурализма? Почему сегодня принято считать, что концепция мультикультурализма потерпела крах?

5) Как вы считаете, русификация, унификация и глобализация культуры – это процессы одного порядка или разные? Объясните свою позицию.

6) Должно ли государство заботиться об условиях проживания мигрантов и социальных гарантиях детей мигрантов независимо от того, родились ли они на территории России или приехали вместе с родителями? Обоснуйте свою точку зрения.

3. СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

3.1. Миграционная ситуация в России и Хабаровском крае¹⁹

По состоянию на 2013 г. Россия занимала 2-е место в мире по числу мигрантов – около 11 млн чел.

Для сравнения: на 1-м месте по числу мигрантов в том же году были США (45,8 млн чел.), на 3-м – Германия (9,8 млн чел.), за ними шли Саудовская Аравия (9,1 млн чел.), Великобритания (7,8 млн чел.), Франция (7,4 млн чел.), Канада (7,3 млн чел.), Австралия (6,5 млн чел.), Испания (6,5 млн чел.) и т.д.²⁰

Миграционная ситуация в Хабаровском крае имеет два аспекта:

1) участие в реализации Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников;

2) трудовая миграция из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Переселение соотечественников.

Реализация Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Хабаровском крае дала следующие результаты:

– за время действия Программы (с 2006 по 2012 гг.) прибыли и получили свидетельства участников программы 1617 чел.;

– из них трудоустроено 1052 чел.;

– в 2012 г. в Хабаровский край прибыло 103 участника программы и 113 членов их семей.

Страны, из которых прибыли участники программы (преимущественно этнические русские и в меньшей степени русскоговорящие предста-

¹⁹ Раздел написан на основании данных из текущего архива УФМС по Хабаровскому краю.

²⁰ См.: Международная миграция 2013. URL: <http://voprosik.net/mezhdunarodnaya-migraciya-2013/>.

вители разных национальностей) – это Армения, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Украина, Казахстан, Грузия, Молдова. Всего получили свидетельства участников программы 256 чел., и общая численность соотечественников в Хабаровском крае в 2012 г. выросла на 544 чел. Из них было трудоустроено 336 чел.

Отрасли, в которых работают приезжие соотечественники, – это торговля, строительство, сельское и лесное хозяйство, организации ЖКХ, социальные службы, транспорт, медицина и образование.

Если подвести итог, то можно сказать, что данная Программа, по сути, оказалась провалена: предполагалось привлечь на Дальний Восток несколько сотен тысяч человек, а реально приехали и были трудоустроены, например, в Хабаровском крае немногим более 1 тыс. чел. Именно это обстоятельство закономерно поставило вопрос о необходимости привлечения в регион трудовых мигрантов из дальнего и ближнего зарубежья, без участия которых динамичное экономическое развитие Дальнего Востока было бы попросту невозможным.

Трудовая миграция из стран ближнего и дальнего зарубежья. УФМС по Хабаровскому краю по состоянию на 31 декабря 2013 г. предоставило следующие данные:

1) произошло увеличение въезда иностранных граждан по миграционным картам через пункты пропуска государственной границы Российской Федерации, расположенных на территории Хабаровского края на 6 % – с 40,9 тыс. чел. в 2012 г., до 43,2 тыс. чел. в 2013 г.;

2) из числа прибывших граждане Китая составили 23,2 тыс. чел. или 54 % от всех въехавших;

3) всего поставлено на миграционный учет в 2013 г. 127,7 тыс. чел., в том числе 31,8 тыс. чел. граждан Китая и 71,4 тыс. чел. граждан СНГ. При этом нужно иметь в виду, что реальное число мигрантов, находившихся на территории края, было меньше, поскольку, во-первых, многие из вставших на учет, покинули край, и это не было зафиксировано статистикой; во-вторых, значительная часть мигрантов совершает так называемые «маятниковые миграции» – они приезжают в регион несколько раз в год, каждый раз проходя процедуру регистрации.

О последнем косвенно свидетельствует и количество иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность на территории Хабаровского края. По состоянию на 31 декабря 2013 г. их число составило 14,4 тыс. чел. (в 2012 г. – 15,6 тыс. чел.), в том числе по отраслям экономики: в области строительства – 6,3 тыс. чел., в лесной и сельскохозяйственной отраслях – 1,6 тыс. чел., в области торговли – 2,7 тыс. чел. Всего квота на выдачу разрешений на работу в 2013 г. была исчерпана на 71,0 %.

Отсюда можно сделать вывод, что распространенное мнение о значительной численности трудовых мигрантов (и мигрантов вообще) на

Дальнем Востоке и в Хабаровском крае в частности не соответствует действительности. Также не выдерживает критики утверждение, что мигранты из Китая и Средней Азии занимают рабочие места, лишая возможности заработка коренное население. Это также не соответствует действительности, если иметь в виду, что в 2010-е гг. в крае уровень безработицы не превышал 2 %, а в краевой столице – г. Хабаровске – вообще достиг 0,1 – 0,2 %. При этом имелось значительное число незанятых вакансий рабочих строительства, промышленности и транспорта, которые не были закрыты даже трудовыми мигрантами, что объективно усложняло задачу ускорения экономического развития региона.

3.2. Политика в отношении трудовых мигрантов и переселенцев

Утвержденная Президентом в 2012 г. и принятая к исполнению «Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года»²¹ исходит из статистического прогноза, согласно которому через 13 лет число работоспособных граждан России снизится на 10 млн чел. Соответственно, для компенсации такой потери предлагается ежегодно завозить из стран СНГ по 300 тыс. чел. трудовых мигрантов.

Несложно посчитать, что при реализации данной стратегии ФМС в России и при условии, что большая часть мигрантов останется в стране на длительный срок или вообще выберет ее на постоянное место жительства, к 2025 г. их общая численность составит не менее 3 – 4 млн чел.

Уже в настоящее время численность детей мигрантов в составе российских школьников в разных регионах России составляет 3 – 10 %, по прогнозу через 10 лет она увеличится до 30 – 35 %, существенно изменив этническую картину населения, прежде всего, в сторону уменьшения доли этнических русских (в то время как после распада СССР доля русских в России заметно увеличилась, например, в Хабаровском крае с 86,1 % в 1989 г. до 91,8 % в 2010 г.).

Одним из путей сохранения существующих пропорций в этнической структуре населения страны является дальнейшее развитие Программы переселения соотечественников на основе Указа «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом», подписанного Президентом РФ в феврале 2013 г.²² В соответствии с данным указом предусмотрены следующие меры:

²¹ См.: Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>

²² Указ Президента РФ «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом», февраль 2013. URL: http://ufms.tatarstan.ru/rus/documents_programm_ukazy.htm

1) Территорией вселения станут все районы регионов переселения (в 2013 г., например, в Хабаровском крае таких районов было 9 из 17).

2) Расширится круг членов семьи – участников программы (до принятия Указа к ним относили только близких родственников – супругов, детей, родителей; предполагается, что к ним добавятся дяди, тети, племянники и т.д.).

3) Будет увеличен размер пособий, выделяемых на обустройство на новом месте (прежде всего на приобретение и съем жилья).

4) Программа становится бессрочной.

5) Продляется срок действия свидетельства участника Программы (если человек получил документ в 2012 г., то он будет действительным еще три года).

6) Предусмотрена формулировка «самостоятельное трудоустройство».

Вместе с тем в 2014 г. в стране и на ее Дальнем Востоке в частности начали происходить существенные изменения в миграционной ситуации, связанные с политическим кризисом на Украине. Резко усилился приток вынужденных русскоязычных переселенцев, возникли проблемы с предоставлением им жилья и работы, что еще более усложнило межэтнические отношения в регионе.

В то же время продолжалась работа по упорядочиванию трудовой миграции из стран ближнего и дальнего зарубежья. Так, только в Хабаровском крае в 2013 г. в целях пресечения незаконной миграции было проведено 5028 проверочных мероприятий в отношении иностранных граждан. В ходе проверок было выявлено 11 086 нарушений миграционного законодательства по главе 18 КоАП РФ, в том числе:

- нарушение режима пребывания – 7020 иностранных граждан;
- необеспечение режима пребывания иностранных граждан – 2167 должностных и физических лиц;
- незаконная трудовая деятельность – 1061 иностранный работник;
- незаконное использование иностранных работников – 838 работодателей;
- выдворено 826 иностранных граждан²³.

Следует обратить внимание на тот факт, что нарушителями миграционного законодательства России были не только мигранты, но и российские резиденты, прежде всего работодатели, пытавшиеся извлечь дополнительную прибыль путем использования труда нелегальных мигрантов, нарушения элементарных санитарных норм их труда и быта.

По данным УФМС по Хабаровскому краю, ситуация на рынке труда в Хабаровском крае в первом квартале 2014 г. характеризовалась следующим:

- по состоянию на 11 апреля 2014 г. уровень регистрируемой безработицы в Хабаровском крае составил 1,69 %;

²³ Текущий архив УФМС по Хабаровскому краю.

– численность граждан, зарегистрированных в центрах занятости в качестве безработных, составила 12 649 чел.;

– общее количество действовавших на тот момент вакансий было 19 025 ед., т.е. в 1,5 раза больше официально зарегистрированных безработных;

– как следствие – коэффициент напряженности на рынке труда (соотношение численности зарегистрированных безработных и количества заявленных вакансий) составил 0,7, что, по мнению экспертов, негативно сказывалось на общей экономической ситуации, поскольку не давало возможности работодателю при найме на работу осуществлять конкурсный отбор: количество вакансий превышало количество заявлений о трудоустройстве).

В столице Хабаровского края – г. Хабаровске – ситуация была еще более напряженной: безработица по состоянию на апрель 2014 г. удерживалась на уровне 0,31 %, при том что в городском центре занятости населения официально было зарегистрировано 1042 безработных, число вакансий, предлагаемых предприятиями краевого центра, в сравнении с началом года уменьшилось на 450; в списке вакансий насчитывалось 6188 вариантов для трудоустройства, из них 4792 – для граждан России и 1396 – для иностранных рабочих. Само по себе это говорит не в пользу устойчивого социального мифа о том, что иностранные рабочие лишают местное население рабочих мест, увеличивая долю безработных²⁴.

Ситуация с безработицей в г. Комсомольске-на-Амуре по состоянию на апрель 2014 г. была несколько более напряженной, чем в г. Хабаровске, но далеко не критической:

– численность граждан, зарегистрированных в службе занятости в качестве безработных, составила 1651 чел.;

– регистрируемый уровень безработицы был 1,2 %;

– количество вакансий, поданных от предприятий и организаций города, по состоянию на 1 апреля – 5980 ед.;

– коэффициент напряженности на рынке труда (число безработных на 1 вакансию) – 0,3, т.е. еще меньше, чем в г. Хабаровске²⁵.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

3.3. Отношение к мигрантам²⁶

В феврале 2014 г. в Хабаровском крае было проведено социологическое исследование, целью которого стало изучение общественного мнения об отношении к мигрантам. Были получены следующие результаты.

Оценка значимости для россиян отношений с мигрантами: как очень важные их оценили 42 % респондентов, важные, но не главные – 56 %, неважные – 2 %.

О нетерпимом отношении к увеличению числа мигрантов в крае заявили 51 % участников опроса, терпимом – 26 % и безразличном – 16 %.

Наиболее острыми проблемами в сфере межэтнических отношений респонденты назвали: отношения с гражданами из Средней Азии – 40 % опрошенных, отношения между русскими и нерусскими в России – 37 % и отношения с выходцами из республик Северного Кавказа – 23 %.

Выявлено различное отношение к представителям некоторых национальностей, позволившее выстроить их условную этническую стратификацию от вызывающих наибольшую симпатию к наименьшей (табл. 2).

Отношение к политике в сфере межнациональных отношений продемонстрировало расколотость общественного мнения дальневосточников на три части: националистов (около 20 %), безразличных (около 50 %) и интернационалистов (около 30 %) (табл. 3).

Таблица 2

Отношение к представителям некоторых национальностей жителей Хабаровского края

Национальности	Симпатия, %	Антипатия, %
Русские	71	2
Якуты	29	9
Армяне	28	18
Китайцы	25	19
Буряты	21	8
Нанайцы	20	7
Азербайджанцы	15	28
Узбеки	10	29
Таджики	7	38
Чеченцы	7	49
Цыгане	6	65

²⁶ Текст раздела написан по материалам социологического исследования, проведенного по программе гранта Президента РФ «Информационно-ресурсный образовательный центр «Единение» для национальных, религиозных и образовательных организаций Хабаровского края», февраль – сентябрь 2014 г., одним из исполнителей которого был автор данного учебного пособия.

Таблица 3

Отношение к политике в сфере межнациональных отношений

Направление политики	Поддерживают	Безразличны	Против
Восстановление в России практики интернационализма	30	43	25
Создание мультикультурного общества	25	44	30
Политика русификации нерусских народов	16	25	59
Запретить въезд на территорию России трудовых мигрантов	40	31	28
«Россия – для русских»	15	23	60
Создание националистических партий, борющихся за интересы русского народа	26	47	26
Принудительное выселение нежелательных этносов	29	52	19
Создание для них нетерпимой обстановки	9	24	67
Запрещение выезда жителей Северного Кавказа с территории своих республик	16	49	33
Жесткое пресечение любых попыток публичного выражения черт национальной культуры, религии, обычаев со стороны нерусских народов России	16	31	53

Выводы по теме

1) Рабочие руки необходимы для экономики Дальнего Востока, но следует четко определить квоты для каждой отрасли.

2) Приоритет при устройстве на работу следует отдавать дальневосточникам – гражданам России и только в крайнем случае принимать иностранных граждан. Необходимо принять закон о том, что работодатель должен платить иностранцу не меньше, чем гражданину России.

3) Следует ввести визовый режим со среднеазиатскими государствами и организовать в этих государствах центры по работе с желающими трудоустроиться на Дальнем Востоке и в целом в России для более тщательного отбора претендентов.

4) Необходимо модернизировать экономику Дальнего Востока, с тем чтобы привлекать не малограмотных людей, а квалифицированную рабочую силу.

5) Следует бороться с коррупцией в государственных органах, отвечающих за въезд и пребывание иностранных граждан на территории России и ее Дальнего Востока.

6) Необходимо требовать от государства ужесточения борьбы с нелегальной миграцией и транснациональной преступностью.

7) Следует усовершенствовать реализацию государственной программы по содействию добровольному переселению соотечественников.

8) Иностранцам, которые свободно владеют русским языком, окончили русскоязычные образовательные учебные заведения и положительно зарекомендовали себя работая и живя в России, при их желании следует предоставлять вид на жительство и в последующем российское гражданство.

9) Следует воспитывать дальневосточную молодежь, чтобы она лучше знала историю Дальнего Востока России, культуру населяющих её народов.

Вопросы и задания

1) Какие выводы можно сделать исходя из оценки того места, которое занимает Россия по числу мигрантов?

2) В чем Вы видите плюсы и минусы современной миграционной ситуации на Дальнем Востоке России?

3) О чем, на Ваш взгляд, говорит тот факт, что за все время действия государственной программы по переселению соотечественников в Хабаровский край прибыло чуть больше одной тысячи человек?

4) Как бы Вы оценили миграционную ситуацию в Хабаровском крае с учетом данных, предоставленных УФМС Хабаровского края по состоянию на 2013 г.?

5) В чем Вы видите разницу в положении мигрантов из стран СНГ и Китая?

6) Дайте оценку миграционной политики Российского государства и региональных властей, а также ее последствий для Дальнего Востока России.

7) О чем могут свидетельствовать данные опроса жителей Хабаровского края об их отношении к мигрантам и миграции вообще?

4. ЭТНИЧЕСКАЯ КСЕНОФОБИЯ И ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФАКТОРЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

4.1. Понятие и сущность ксенофобии

Рост ксенофобии вообще и этнической в частности оказался под пристальным вниманием российских и зарубежных ученых с начала 1990-х гг., что в значительной степени связано с распадом СССР и возникшими на его бывшей территории многочисленными очагами межэтнической напряженности.

Исследователи отмечают, что ксенофобия имеет естественную природу (т.е. это не идеологический конструкт, хотя с помощью той или иной

идеологии на нее можно влиять в том или ином отношении). Издревле она определялась принадлежностью индивида к определенному племени или роду, заставляла его делить людей на «своих» и «чужих», идентифицировать себя со «своими», закреплялась в культуре и коллективной психологии архетипом «свой – чужой», который воспринимался (да, и сейчас многими воспринимается) как нечто само собой разумеющееся.

Ксенофобия может принимать различные формы: от настороженности до навязчивых состояний, психозов и даже массовой истерии.

Среди ряда ученых популярна *биологическая теория ксенофобии*, согласно которой она произошла от инстинкта агрессивности животного предка человека и проявляется в агрессии по отношению к близким видам и подвидам, препятствующей образованию смешанных пар и, как следствие, рождению нежизнеспособного потомства. Отсюда делается вывод, что ксенофобия – это продукт экстраполяции инстинкта самосохранения от индивида до группы (обособленной территориально, этнокультурно, конфессионально, социально-статусно), возникшей в результате формирования локальных сообществ, борющихся за выживание и/или коллективную идентичность. Однако не все согласны с такой точкой зрения.

Современный взгляд на сущность и природу ксенофобии состоит в следующем.

Ксенофобия (от греч. ξένος – чужой + φόβος – страх) – страх или ненависть к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному; восприятие чужого как непонятного, непостижимого и поэтому опасного и враждебного.

Ксенофобия в широком смысле (этимологически) – боязнь всего нового, непривычного, незнакомого (человека, техники, например компьютеров, рыночной экономики и т.п.).

Ксенофобия в узком смысле (социокультурно и психологически) – боязнь, ненависть и/или презрение не конкретного человека или явления, а социальной группы (класса, рода явлений) без учета объективных различий составляющих их индивидов или единиц, что противоречит не только принципу социальной справедливости, но и здравому смыслу.

Сущность ксенофобии:

1) Ксенофобия – это естественная психологическая реакция человека на реальную или предполагаемую угрозу, исходящую, как правило, от индивида или группы, которых он квалифицирует как «чужого/чужую».

2) Ксенофобия может возникать по отношению к любому незнакомому субъекту (индивидуальному или коллективному) по любому поводу, который квалифицируется как «угрожающий» жизни, благополучию, идентичности человека или той группы, к которой он принадлежит.

3) Ксенофобия «дремлет» в каждом из нас и может проявиться совершенно неожиданно под воздействием самых разных обстоятельств

(явных или скрытых, возникших спонтанно или спровоцированных субъектами, заинтересованными в разжигании ксенофобии в обществе).

4) Факторы или условия, приводящие к росту ксенофобских настроений (равно как и их ослаблению), имеют психологический, социальный, культурный, экономический и политический аспекты.

5) Ксенофобия как психологическое явление, возникающее на тонкой грани сознательного/бессознательного, питается прежде всего теми проявлениями «чужого», которые видны невооруженным глазом: внешнестью, речью, поведением.

Во всех обществах наиболее широко представлена и наиболее остро рефлексруется именно расовая (этническая) ксенофобия.

Причины появления ксенофобии в современном обществе делят на две группы:

1) терминальные – коренящиеся в психологии, культуре, истории данного общества или группы;

2) инструментальные – являющиеся средством воздействия на социальное поведение людей, как правило, с целью извлечения политической и/или экономической выгоды узкой группой заинтересованных лиц.

Терминальная группа причин ксенофобии:

1) *Наличие устойчивых предрассудков* (этнических мифов).

Универсальные этнические мифы (приведены в Отчете ООН о человеческом развитии 2004 г., посвященном теме «Культурная свобода в современном разнообразном мире»):

– этническая идентичность противостоит гражданской идентичности: нельзя быть националистом и патриотом одновременно (НО: данные виды идентичности не являются взаимоисключающими, более того, они могут взаимодополнять друг друга);

– этнические группы конфликтуют друг с другом из-за расхождения в ценностях (НО: различия в ценностях сами по себе не являются причиной конфликтов; чаще всего их движущей силой оказывается экономическое неравенство, борьба за ресурсы, политическое, социально-экономическое или культурное влияние, имеющие не столько этническую, сколько социально-статусную этиологию);

– принцип обеспечения культурной свободы личности противоречит принципу необходимости защиты традиционных культурных практик; это порождает конфликт между этническими традициями и приоритетами развития человека (НО: культурная свобода индивида предполагает расширение возможностей его личного выбора, а не размывание традиционных культур как целостностей);

– чем более разнообразен этнический состав населения страны, тем менее она способна к развитию (НО: доказательств очевидной связи между культурным разнообразием и развитием не существует; как среди полиэт-

нических государств, так и среди более или менее этнически однородных есть высоко-, средне- и низкоразвитые);

– одним этносам более присущи демократические ценности и способность к экономическому процветанию, другим – менее (НО: доказательств в поддержку этого мифа также не существует; его сторонники не принимают во внимание тот факт, что целостность систем ценностей и традиций в обществах (включая демократические ценности и рыночные отношения) возникает как в этнически однородных, так и полиэтнических обществах; и те и другие время от времени проходят стадии конфликтов ценностей, которые рано или поздно преодолеваются).

2) *Стереотипирование восприятия отдельных этносов и их представителей* (стереотипирование – процесс образования стереотипов – укорененных в культуре и воспроизводящихся в индивидуальном сознании устойчивых отношений людей к тем или иным событиям, действиям, поступкам и т.д.).

Стереотип – это своего рода «снимок» элемента окружающей реальности, позволяющий определять его в привычных для индивида координатах и сводящий к минимуму шокирующее разнообразие действительности.

3) *Реверсивность ксенофобских стереотипов* – стереотипы приобретают значительную временную устойчивость и имеют тенденцию транслироваться не только внутри данной группы от индивида к индивиду и от поколения к поколению, но и распространяться на другие группы и общество в целом, включая тех его представителей, которых они «стереотипируют».

Последнее может привести к «зомбированию» сознания и поведения дискриминируемой этнической группы, которая начинает неосознанно подстраиваться под свой стереотип, еще более подкрепляя этим видимость его объективности.

4) *Предвзятости и предубеждения*, являющиеся следствием интернализированных людьми стереотипов (когнитивная слепота).

5) *Проецирование на «другого» собственных морально неприемлемых качеств* (коварности, лживости, злобности и т.д.).

6) *Сбой или неэффективность когнитивных механизмов.*

Типичные когнитивные ошибки:

а) люди практически никогда не воспринимают окружающую их реальность такой, какая она есть в действительности, а смотрят на нее сквозь линзы привычных им схем (верований, убеждений, теорий и других представлений), поскольку человеческий мозг стремится упорядочить окружающий мир и придать всему значимость и смысл;

б) получение ложных выводов, сделанных на основе познавательного приема обобщения (логика рассуждений такова: если известные познающему субъекту представители данного этноса характеризуются определенной социокультурной особенностью, значит, можно предположить, что эта особенность присуща всем представителям данного этноса);

в) неосознанное стремление к достижению завершенности (непротворечивости) картины мира, которое заставляет познающего субъекта по причине недостатка/недостоверности информации и/или неспособности адекватно ее интерпретировать «достраивать» полученный им образ корректными, с его точки зрения, но в действительности далекими от реальности элементами;

г) получение ошибочной информации от авторитетного источника или ошибочная интерпретация достоверной информации;

д) логические ошибки:

– если А приводит к Б, то в случае обнаружения Б делается вывод, что Б возник из-за А (хотя к Б могут привести и иные причины). Вот типичное рассуждение: необразованные люди (А) выполняют неквалифицированную работу (Б); мигранты (?) выполняют неквалифицированную работу (Б), следовательно, мигранты – необразованные (А);

– рассуждение по аналогии: если А присущи В и Г, а Б присуще В, то Б должно быть присуще и Г. Например, если представители этнической группы N не образованы и агрессивны, а представители этнической группы L – тоже не образованы, значит, они должны быть и агрессивны;

е) сознательная редукция сложной проблемы к простому виду и получение в результате этого ошибочных выводов (в политике такой прием называется популизм);

ж) склонность к преувеличению/преуменьшению опасности или угрозы кого/чего-либо, в зависимости от собственной позиции по отношению к ним (чиновник, ответственный за регистрацию мигрантов, склонен преуменьшать опасность от нелегальной миграции, в то время как оппозиционно настроенные политики или журналисты склонны ее преувеличивать);

з) избирательность памяти: люди чаще помнят события, «подтверждающие» верность их стереотипов и предрассудков, чем те, которые им противоречат.

7) *Полиэтничность и этническая стратификация*, приводящие к возвышению одних этносов и их представителей над другими, следствием чего становится этническая дискриминация, проявляющаяся, помимо прочего, в пренебрежительном отношении первых ко вторым и боязни или ненависти вторых к первым.

Инструментальная группа причин ксенофобии:

1) *Личностно ориентированная (taste-based) и «статистическая» дискриминация* проявляются преимущественно в экономической сфере, когда работодатели руководствуются либо субъективными (личными) предпочтениями, либо объективными («статистическими») данными (чаще существующими в виде устойчивого общественного мнения, а не научных показателей) о деловых качествах представителей тех или иных этносов.

2) *Рациональный расизм* как следствие «статистической» дискриминации, когда работодатель, экономя свое время и стремясь минимизиро-

вать риски, при приеме на работу заведомо не рассматривает кандидатуры представителей этнических групп, которые, по его мнению, характеризуются нежелательными для него качествами.

3) *Образно-сенситивная ретрансляция* (особенно широко представлена в СМИ) основана на психологическом эффекте, когда парадоксальная, умело преподнесенная, шокирующая обывателя информация запоминается (и воспринимается) лучше, чем скучная и обыденная.

Такая информация должна обладать хотя бы одним из следующих свойств:

1) эмоциональностью подачи материала;
2) способностью поражать воображение и быть предельно конкретной;

3) адресованностью реципиенту в приближенном к нему пространстве, времени, ситуации и т.д. (информация о событии или явлении, которое произошло *здесь, сейчас, в повседневности*).

Выводы о роли СМИ в порождении ксенофобии:

– даже если предоставляемая СМИ негативная информация о тех или иных этносах и связанных с ними обстоятельствах адекватно уравновешивается позитивными и абсолютно достоверными сведениями о них, в массовом сознании все равно сложится сугубо негативное отношение, основанное на первом типе информации, который будет интенсивно вытеснять второй;

– в условиях информационной свободы СМИ, ориентированные на сенсацию и скандал, неизбежно будут порождать в обществе ксенофобские настроения и провоцировать бытовой экстремизм, а в случае государственного контроля над ними станут мощным инструментом формирования общественного мнения, которое в угоду интересам властвующей элиты может быть развернуто как в сторону интернационализма и «дружбы народов» (как это было в СССР), так и оголтелого национализма и шовинизма (как это было в гитлеровской Германии).

4) *Формирование определенных установок, имеющее конкретную политическую или экономическую цель* (получение экономической/политической ренты).

4.2. Понятие и проявления этнического экстремизма

Этнический экстремизм – продукт этнической ксенофобии.

Экстремизм в широком (этимологическом) смысле – любая деятельность, отличная от общепринятой.

Экстремизм в узком (юридическом) смысле – любые действия, подпадающие под статью Федерального Закона РФ № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Формы деятельности, квалифицируемые как экстремистские в соответствии с данным законом:

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Конкретные проявления экстремизма – любые агрессивные (не обязательно противоправные) и дискриминирующие действия по отношению к представителям других этносов и выражающим их символам, являющиеся следствием неадекватной оценки угрозы с их стороны, вызванные ксенофобией.

Концепции экстремизма:

Эссенциализм: экстремизм – естественная составляющая человеческого общества, он был, есть и будет всегда. Вывод: преодолеть экстремизм невозможно, но можно минимизировать его негативные последствия.

Конструктивизм: экстремизм – продукт политико-идеологического манипулирования массами. Вывод: когда в обществе совершаются экстремистские действия по отношению к каким-либо этносам или их представителям, то это выгодно определенным политическим силам в стране.

Элитизм (как версия конструктивизма): экстремизм – результат политической мобилизации населения лидерами этнических групп, играющих на национальных чувствах соплеменников в условиях этнополитической напряженности и стремящихся за их счет сформировать свой политический капитал: в этом случае происходит «обмен» нерешенных в обществе проблем, связанных с безработицей, низким материальным положением, произволом чиновников и т.д. на ненависть к «чужим» этносам.

Дискурсивный подход: экстремизм – продукт общественного дискурса, который, в целом, имеет синергетическую природу. Это означает, что найти истинные причины обсуждения и оценки угроз, исходящих от тех или иных этносов, так же как предсказать возможность их возникновения или прекращения, практически невозможно. Однако существуют инструменты воздействия на дискурс с целью его коррекции в желательном направлении.

Когнитивный подход: экстремизм – результат категоризации индивидов и общностей в этнических терминах. Продуктом такой категоризации является выстраивание идентичностей в диапазоне «свой» – «другой» – «чужой». Ставится задача воздействия на когнитивный процесс с целью управления идентичностями и смягчения социальной напряженности путем конвертации «других» в «своих» и «чужих» в «других».

Субъективистский подход: экстремизм – результат ощущения культурной, экономической и иной «отсталости», унижения и досады, возникающего у представителей одного этноса при сравнении с представителями другого, вызывающего страх ассимиляции или «культурного поглощения».

В этом случае его преодоление возможно путем:

- переоценки собственной значимости в сравнении с доминирующим этносом;
- выработки иных форм идентичности, не связанных с дискриминирующими их аспектами;
- достижения тех социокультурных стандартов, которые рассматриваются в качестве оптимальных или эталонных (повышение уровня образованности и качества жизни, вовлечение в общественное производство, наделение властными полномочиями и т.д.).

Три закономерности, влияющие на уровень экстремизма в обществе.

1) *Уровень экстремизма прямо пропорционален уровню этнической однородности*: чем однороднее принимающее общество в этническом отношении (в пределах – моноэтнично), тем более болезненно его представители воспринимают появление в его составе новых этнических групп.

2) *Уровень экстремизма обратно пропорционален размеру группы*: чем большую долю в составе общества занимает данная этническая группа, тем ниже уровень экстремизма в ее отношении – ненавидеть большую группу сложнее, чем малую. Именно этим можно объяснить парадоксальное, на первый взгляд, явление, что в России этническая и религиозная нетерпимость гораздо больше распространена у русских/православных по отношению к нерусским/иноверцам, а не наоборот.

3) *Уровень экстремизма обратно пропорционален частоте межэтнических взаимодействий*.

Изддержки этнического экстремизма:

- утрата доверия между этническими группами, приводящая к снижению эффективности или даже разрыву межгрупповых взаимодействий и объективно препятствующая решению общесоциальных (кроссэтнических) проблем;
- возникновение ответной стратегии – «ненависти к ненавистникам», возводящей межэтническую напряженность и угрозу этнического экстремизма на более высокий и опасный уровень;
- стремление во всех возникающих проблемах искать «этнические корни», уводящее в сторону от их эффективного разрешения.

Причины насильственных (экстремистских) действий:

- склонность к агрессивному поведению;
- нетерпимость к инаковости как результат патологической социализации личности;

- неумение и/или нежелание конструктивно решать сложные проблемы;
- отсутствие опыта кроссэтнического диалога (когда в моноэтнической среде появляются иные этнические группы);
- стремление к поиску простых решений сложных проблем.

Важнейшим условием экстремизма является возникновение агрессивных этнических (или считающих себя этническими) групп.

Специфические особенности экстремистских групп:

1) им присуще холистское мировоззрение – склонность рассматривать этносы в качестве единых, сплоченных социальных субъектов, организованных по принципу «один за всех – все за одного»;

2) в них имеет место «расширение» групповой идентичности до этнической идентичности, когда в результате экстраполяции чисто групповых проблем, ожиданий и угроз группа начинает считать их присущими всем представителям своего этноса, а себя – выразителем его интересов;

3) все члены экстремистской группы являются или считают себя «жертвами» этнической дискриминации/насилия со стороны представителей других этнических групп, что позволяет интерпретировать их собственные насильственные действия в категориях «восстановления справедливости», «отмщения», «воздаяния по заслугам» и т.п.

Экстремистские действия одних этнических групп против других часто бывают связаны не столько с реальной или мифической угрозой, исходящей от последних, сколько с внутригрупповыми процессами, протекающими в них самих.

Четыре механизма, посредством которых внутригрупповые процессы конвертируются в межэтническое насилие:

1) Внутригрупповой контроль, направленный на повышение уровня групповой сплоченности и опирающийся на формальное и неформальное применение санкций внутри группы для укрепления определенной линии поведения по отношению к посторонним (категоризируемым не только в этнических или расовых терминах, но и религиозных, идеологических, территориальных и т.д.).

2) Предумышленная инсценировка, стимулирование, провоцирование, драматизация или интенсификация насильственных или потенциально насильственных confrontаций с посторонними. Целью такого механизма часто является стремление лидера группы (политика, чиновника, главаря), почувствовавшего свою уязвимость, перенаправить внутригрупповые угрозы своему положению в межгрупповое (межэтническое) русло.

3) Этническая перекупка, которая часто практикуется в ходе предвыборной борьбы, когда несколько партий, апеллирующих к одной и той же этнической группе, соревнуются за ее поддержку и, при условии невозможности обращения к избирателям иной этнической принадлежности,

стремятся проявить себя более «национальными», более «жесткими» в предлагаемом ими решении этнических проблем.

4) Специфика рекрутирования в экстремистские группы новых боевиков: если их лидерами нередко оказываются достаточно высокообразованные представители среднего класса, то рядовые члены – малограмотные выходцы из нижних слоев общества, уже в силу своего общественного положения подвергаемые дискриминации со стороны властей и находящиеся в поиске объекта «отмщения».

Многих молодых людей привлекают к участию в экстремистских группировках стремление вырваться из скучной повседневности, желание испытать чувство риска, воля к власти сильного над слабым, специфические ритуалы посвящения, клятва на крови, символика и прочие инструменты романтизации криминальной деятельности.

4.3. Пути преодоления ксенофобии и этнического экстремизма

Преодоление этнического экстремизма и ксенофобии имеет большое значение для обеспечения гражданского мира и межкультурного (в том числе межконфессионального) согласия в обществе. В периоды обострения межэтнических отношений эта задача приобретает особую остроту, что, к сожалению, характерно и для России в 2010-е гг.

Важнейшие направления по преодолению этнического экстремизма и ксенофобии в обществе следующие:

– объективный научный анализ и развенчание этнических мифов, как глобальных, так и локальных, направленные на преодоление предрассудков и стереотипов восприятия тех или иных этносов;

– обучение эффективным формам работы с информацией об этносах, операциям выделения, обобщения, анализа и синтеза, приемам формальной логики, направленным на получение максимально объективных данных о них;

– систематическое преодоление всех проявлений дискриминации по этническому признаку, особенно при приеме на работу и предоставлении социальных услуг (здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и т.д.);

– введение кодекса этнической чести в СМИ, запрещающего акцентировать внимание на национальности фигурантов любых новостей, имеющих негативную коннотацию (включая запрет на озвучивание фамилии и имени, по которым можно сделать предположение об их этнической принадлежности), подобно тому как работает принцип политкорректности в странах Западной Европы и США, вплоть до введения административного наказания или штрафа за его нарушение;

– внедрение в общественный дискурс темы социального и политического равенства, общности интересов всех этносов независимо от достигнутого его представителями уровня образования, профессиональной деятельности, экономического положения, властных полномочий и т.д.;

– создание условий для успешной социализации и адаптации представителей малочисленных этносов и мигрантов, их полноценного участия в социально-экономической и политической жизни принимающего сообщества;

– создание условий для полноценной реализации социокультурных потребностей этносов, связанных со своеобразием их религии, культуры, традиций и обычаев, не противоречащих нормам Российского законодательства (строительство культовых сооружений, проведение национальных праздников и обрядов, возможность обучения родному языку детей и т.д.);

– внедрение в повседневную практику различных форм образовательной, трудовой, досуговой, политической деятельности, создающих возможности для установления личных дружеских/партнерских отношений между представителями разных (особенно конфликтующих) этнических групп;

– полный отказ от использования в публичной политической, правовой, образовательной, информационной риторике этнических характеристик, несущих в себе явный или скрытый дискриминационный смысл («малые», «малочисленные», «пришлые», «неадаптированные», «социально-экономически/социокультурно неразвитые/отсталые» и т.п.);

– формирование в обществе отношения нетерпимости к любым формам и проявлениям этнической ксенофобии и экстремизма, в идеале, чтобы члены экстремистских групп сами пришли к выводу о бессмысленности борьбы за «чистоту крови» и порочности любых насильственных действий против «чужих».

Практика показывает, что полного преодоления этнического экстремизма и ксенофобии не удалось достичь ни в одном обществе. Однако возможно сведение их к допустимому минимуму, когда они перестают представлять угрозу для целостности и развития многонационального и поликонфессионального общества. Такая задача стоит сегодня и перед современной Россией.

Выводы по теме

1) Ксенофобия имеет естественную природу, она коренится в психике человека и в древности обеспечивала выживание людей в агрессивной внешней среде.

2) Ксенофобию можно рассматривать в широком (этимологическом) и узком (социокультурном и психологическом) смысле. В узком смысле

она представляет собой боязнь, ненависть и/или презрение не конкретного человека или явления, а социальной группы (класса, рода явлений) без учета объективных различий составляющих их индивидов или единиц.

3) Причины возникновения ксенофобии в современном обществе делятся на терминальные и инструментальные. Наибольшую опасность представляет этническая и производная от нее религиозная ксенофобия.

4) Важная роль в воспроизводстве ксенофобии принадлежит СМИ, которые способны как усилить, так и ослабить ее проявления. На современном этапе развития российского общества СМИ нередко выступают фактором, усиливающим ксенофобские настроения и провоцирующим межэтническую и межконфессиональную напряженность.

5) Этнический экстремизм является продуктом и наиболее острым проявлением ксенофобии. В современной науке сложился ряд теорий, по-разному объясняющих его происхождение и сущность.

6) Важнейшие способы преодоления этнической ксенофобии и экстремизма: развенчание этнических мифов; обучение эффективным формам работы с информацией об этносах; систематическое преодоление всех проявлений дискриминации по этническому признаку; введение кодекса этнической чести в СМИ; внедрение в общественный дискурс темы общности интересов всех этносов России; создание условий для успешной социализации и адаптации представителей малочисленных этносов и мигрантов; создание условий для полноценной реализации социокультурных потребностей этносов.

Вопросы и задания

1) Прочитайте текст Федерального Закона РФ № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и прокомментируйте, что понимается в этом документе под экстремистской деятельностью.

2) Проведите различие понятий «этнический экстремизм» и «этническая ксенофобия»; экстремизм в широком и узком (юридическом) смысле.

3) Как Вы считаете, где экстремизм проявляется сильнее: в обществе, где доминирует новация или традиционном? Объясните, почему. Приведите примеры.

4) Считаете ли Вы, что склонность к экстремистским действиям связана с возрастными особенностями личности? Докажите Вашу точку зрения.

5) Считаете ли Вы, что дети мигрантов более склонны к антиобщественному, маргинальному поведению, чем дети коренного населения? Обоснуйте свою точку зрения.

5. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

5.1. Сущность и своеобразие межкультурных взаимодействий

Прежде чем говорить о сущности и своеобразии межкультурных взаимодействий, необходимо уточнить, а что, собственно, мы под ними понимаем? Банальный ответ на этот вопрос предполагает, что это взаимодействие между разными культурами. Но где пролегает межкультурный фронтир? Можно ли характеризовать контакты между российской и китайской культурами, которые непосредственно сталкиваются на дальневосточных границах России, как межкультурные взаимодействия? Очевидно, да. А как быть с взаимодействиями русской и якутской культур в Республике Саха (Якутия), христианской и исламской культур в местах совместного проживания христиан и мусульман, наконец, культур бедности и богатства, молодости и зрелости и т.д.? Фронтиры последних если и существуют, то только в головах людей.

Очевидно, нам необходимо сузить пространство нашего анализа до того уровня, который задан парадигмальными рамками данного пособия. А они предполагают, прежде всего, межкультурные взаимодействия между представителями этносов, находящихся на территории Дальнего Востока России. При этом очевидно, что всё многообразие таких взаимодействий невозможно описать не только в рамках одного пособия, но и солидной монографии, ведь на территории этого региона проживают представители более 100 этносов и нескольких десятков религиозных конфессий. Поэтому мы ограничимся кратким анализом межкультурных взаимодействий лишь тех из них, кто в начале XXI в. оказался на пике общественно-политического дискурса – это оси взаимодействий «русские – якуты – коренные малочисленные народы Севера – российские корейцы – этнические мигранты из республик Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья – китайцы».

Вначале уточним несколько базовых понятий, которые будут использованы в данном разделе пособия.

Этнос – целостный культурный комплекс (культура или субкультура), исторически сложившийся на определенной территории и характеризующийся языком, традициями и обычаями, образом жизни и мировоззрением людей, интернализовавших его в процессе социализации, а также этническим самосознанием (идентичностью) и самоназванием, отличающими данный этнос от всех других.

Фактом принадлежности человека к определенному этносу является его этническая идентичность, или, как принято говорить в России, *национальность*.

Принято выделять три исторических типа этноса:

– *племя* – общность людей, объединенных родственными и социальными отношениями;

– *народ* – общность людей, объединенных социально-экономическими связями (племя превращается в народ на этапе возникновения национального государства);

– *нация* – высшая на сегодня форма этноса, объединенная социально-политическими отношениями. Нация возникает во время формирования капиталистического общества. В Европе это XVI – XVII вв., на Дальнем Востоке России – XIX – начало XX вв.

В данном контексте *межкультурные взаимодействия* между представителями разных этносов можно трактовать как межнациональные (межэтнические) системы действий (или поведенческие комплексы, систематически воспроизводящиеся людьми в типичных ситуациях), которые представляют собой все многообразие связей, взаимодействий и обменов, возникающих между этносами по поводу насущных проблем их выживания и развития.

Подобные взаимодействия существуют на трех уровнях:

1) *межличностном* – между представителями тех или иных этносов, совместно проживающих в одной и той же местности (город, село, улица, дом);

2) *межгрупповом* – между этническими общностями, объединенными в границах одного многонационального государства;

3) *международном* – между нациями-государствами.

Субъектами межкультурных взаимодействий выступают этносы:

1) *многочисленные и малочисленные* (с точки зрения соотношения численности представляющих их индивидов; в настоящее время принято считать, что «малочисленные» этносы насчитывают не более 50 тыс. своих представителей, а «многочисленные» – от 50 тыс. до сотен миллионов);

2) *более и менее развитые* с точки зрения достигнутого ими уровня развития экономики, государственности, культуры;

3) *коренные и некоренные* (по критерию первоначального заселения данной территории);

4) *титульные и нетитульные* (к первым относят этносы, именем которых названы соответствующие государственные образования: французы во Франции, саха (якуты) в Республике Саха (Якутия) и т.д.).

На Дальнем Востоке России по этой классификации принято выделять следующие типы этносов:

– *многочисленные* – русские (в целом на Дальнем Востоке) и якуты (в Якутии); *малочисленные* – все остальные, но особенно – коренные малочисленные народы Севера (КМНС);

– *более и менее развитые*: здесь все зависит от критерия, например, уровня образования, характера труда, уровня развития культуры и искусства и т.д. До середины XX в. более развитыми были этносы выходцев из Европейской России (русских, украинцев, белорусов, поляков, немцев и т.д.), менее развитыми – КМНС. В настоящее время социокультурный уровень всех народов Дальнего Востока сравнительно одинаков и разделение на более и менее развитые является субъективным (как результат прошлого отличия и социальная мифология);

– *коренные* – народы, первыми заселившие территорию Дальнего Востока: якуты, чукчи, нанайцы и т.д.; *некоренные* – народы, переселившиеся на Дальний Восток России в историческое время: русские, украинцы, белорусы и др., а также корейцы и китайцы, эмигрировавшие со своей исторической родины и ставшие гражданами России;

– *титульные* – народы, давшие название национально-государственным образованиям (якуты в Якутии, чукчи в Чукотском автономном округе, нанайцы в Нанайском районе и т.д.), *нетитульные* – все прочие народы (особое положение – русские – титульный этнос во всей России и нетитульный на Дальнем Востоке или, например, в Якутии).

Межкультурные (межэтнические) взаимодействия, как правило, приводят к возникновению *национального вопроса* – комплекса проблем, вызванных обострением межкультурных взаимодействий, связанным с задачами свободного и всестороннего развития всех этносов, расширения межэтнического сотрудничества и гармоничного сочетания национальных интересов всех народов, проживающих на данной территории.

Специфика национального вопроса:

В политической сфере – это вопрос равноправия этносов и их равного (пропорционального) представительства во всех ветвях и структурах власти.

В экономической сфере – вопрос межнационального разделения труда, перспектив экономического роста этносов, их участия в государственном и мировом рынках.

В социальной сфере – вопрос статусов и привилегий, объективного и субъективно оцениваемого места каждого этноса в социальной иерархии общества.

В сфере культуры – вопрос сохранения и развития самобытной национальной культуры, преодоления ассимиляционных процессов и одновременно стремления к равноправному и полноценному вхождению в мировую культуру.

Национальный вопрос требует решения. Этому служит *национальная политика* – деятельность государства, политических партий и общественных движений, направленная на урегулирование и оптимизацию межэтнических (межкультурных) взаимодействий, создание условий для равно-

правного и полноценного сосуществования всех этносов и конфессий независимо от их численности, культурных и иных особенностей. Однако идея о том, что национальный вопрос может быть в принципе разрешен – одна из наиболее утопических в современном мировом общественном мнении. Национальный вопрос можно и нужно решать, решать упорно и последовательно, изо дня в день, из года в год, но окончательно разрешить невозможно. Это одна из тех «вечных» проблем, которые достались нам от предков и которые мы в свое время передадим потомкам.

Фундаментальные принципы национальной политики государства вырабатываются в правительстве, но на практике всегда реализуются на местах. И далеко не всегда местные руководители проводят ее действительно в интересах всех этносов, населяющих подконтрольные им территории. Более того, далеко не всегда политические, экономические, социальные и культурные мероприятия, проводимые в интересах тех или иных этносов, приводят к ожидаемым результатам. Именно поэтому в мире периодически вспыхивают межэтнические и межконфессиональные конфликты, этнические и религиозные войны, которые чаще всего чрезвычайно трудно остановить. Не обошли стороной эти события и Россию на рубеже XX – XXI вв.

5.2. Особенности межкультурных контактов в регионе

Как мы говорили выше (см. раздел 1 данного пособия), с глубокой древности население Дальнего Востока формировалось как многонациональное. Русские землепроходцы, пришедшие сюда в середине XVII в., обнаружили конгломерат народов, находившихся на первобытно-общинной или раннефеодальной стадии общественного развития. Большинство из них еще не консолидировались в полноценные этносы и представляли собой отдельные роды, племена, реже – племенные союзы, находившиеся в достаточно сложных социально-экономических и политических отношениях друг с другом. Примитивный товарообмен соседствовал с грабительскими набегами, родственные связи между соседними племенами омрачались кражами женщин и детей, подлыми убийствами и кровной мстостью. В южных районах Дальнего Востока нередкими гостями были китайцы, маньчжуры и корейцы, которые занимались торговлей, промыслами, земледелием, а иные не брезговали и разбоем (так называемые хунхузы – китайские разбойники).

Начавшееся с середины XVII в. (а на юге края – с 1860-х гг.) переселение россиян из европейской части страны на восток еще более усложнило этническую карту региона. Вобрав в себя огромное разнообразие коренных и пришлых народов, к концу XX в. Дальний Восток России предстал чрезвычайно пестрым в этническом отношении регионом. По

данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г., здесь проживают представители около 140 этносов России и мира. Подавляющее большинство из них составляют русские – более 80 %.

В чем специфика национальных отношений на Дальнем Востоке России?

При ответе на этот вопрос необходимо иметь в виду, что все этносы так или иначе привязаны к земле. Территория государства (или «земля предков») является важнейшей материальной основой для их возникновения и дальнейшего существования. В отличие от нации, этнос базируется преимущественно на культуре, а во многих случаях и на еще более расплывчатом и неуловимом явлении – этническом самосознании (именно это заставляет многих людей, по крови принадлежащих к нерусским этносам, но родившихся и выросших среди русских, говорить о себе: «я русский»).

В настоящее время подавляющее большинство дальневосточников идентифицируют себя со всеми россиянами (как нацию) и, за исключением якутов и немногочисленных коренных народов Севера, имеют родовую территорию где-то за пределами региона (как этнос), а потому на особые права и привилегии по отношению друг к другу не претендуют. Именно поэтому почти повсеместно на Дальнем Востоке определяющее значение имеют не политические, а, главным образом, культурно-социальные межэтнические взаимодействия. Последний факт позволяет провести недвусмысленную параллель с США, которые также для подавляющего большинства ее населения являются второй родиной, что значительно снижает там остроту межэтнических и даже межрасовых отношений.

Тем не менее, несмотря на очевидную сглаженность межэтнических противоречий в регионе, они есть, о них нужно знать и делать всё возможное, чтобы эти противоречия не переросли в открытый конфликт.

5.3. Оси межкультурной напряженности на Дальнем Востоке

Наиболее заметный вклад в межкультурное своеобразие Дальнего Востока вносят народы, выделяющиеся среди русскоязычного населения, прежде всего, своей субкультурой. Это якуты, КМНС, корейцы, представители кавказских и среднеазиатских этносов и китайцы.

Русские – якуты.

Наиболее напряженно межкультурные отношения между коренным населением Якутии (саха-якутами) и некоренными этносами (прежде всего, русскими) в регионе складываются в Республике Саха (Якутия). Вызвано это тем, что Якутия – единственная территория на Дальнем Востоке России, где доля коренного населения, главным образом, титульного этноса – якутов – оказывается сопоставимой с численностью русского населения. В 1990-е гг. межэтническая напряженность между якутами и русскими

ми в республике постоянно возрастала. Для того чтобы понять, с чем это связано, обратимся к истории.

Русское население Якутии можно условно разделить на две большие группы: 1) старожилов (их формирование шло более трех веков) и 2) новоселы (прибывшие в республику в 1950 – 1980-е гг.). Первые прекрасно приспособились к местным условиям. Они оказали заметное влияние на местное якутское население и в свою очередь многое переняли у него. Потомки старожилов, как правило, хорошо владеют якутским языком, знают и уважают культуру титульного народа. При этом доля лиц русской национальности, ассимилируемых якутами, год от года возрастает, о чем свидетельствуют материалы переписей населения (в 1970 г. свободно владели якутским языком 7 271 чел. из общего числа русских и 786 чел. признали его в качестве родного языка; в 1989 г. таковых было уже 7 460 и 1 311 чел., соответственно)²⁷.

Массовое переселение русских в Якутию во 2-й половине XX в. привело к резкому изменению этнического состава республики (уже в середине 1960-х гг. якуты перестали составлять большинство ее населения), что в конечном счете и привело к росту межэтнической напряженности.

В 1990-е гг. наиболее острые межэтнические столкновения в республике происходили в социально-политической сфере. Проявлялось это в борьбе за власть и обладание материальными ресурсами. Среди якутского населения получил широкое распространение социальный миф, согласно которому социальное и материальное благополучие нации связано с их этнической консолидацией. Фактически уже с 1990 г. правительство Якутии стало проводить политику консолидации якутской нации, создавшую питательную среду для поддержания данного мифа и объективно способствовавшую росту межэтнической напряженности в регионе.

С 1992 г. в республике проводится целевая национальная политика, одним из стержневых принципов которой является национальное возрождение якутов через нейтрализацию русского влияния путем определенного социально-экономического и культурного сдерживания. Среди русского и – шире – русскоязычного населения подобная политика воспринимается как дискриминационная и вызывает преимущественно негативную реакцию.

Принцип этничности преобладает над соображениями профессионализма и в решении кадровых вопросов. Проявляется это в том, что при подготовке высококвалифицированных специалистов система предпочтений и льгот строится на дискриминационной основе (лица коренной национальности имеют преимущества при поступлении в вузы республики, преподавание ряда дисциплин ведется на якутском языке и т.д.). По данным Госкомстата, в середине 1990-х гг. доля якутов в составе прави-

²⁷ Всесоюзная перепись населения СССР 1989 г.: Национальный состав. М.: 1990. С. 16-21.

тельства Республики Саха (Якутия) составляла 67,6 %, а среди глав администраций – 80 % (при том что доля якутов в составе населения не превышала 35 %). Бюджетные средства, выделяемые на нужды культуры, расходовались преимущественно для развития якутской этнической культуры. При этом дискриминированными оказались не только русскоязычная часть населения республики, но и проживающие на ее территории КМНС.

Все это вместе взятое вызывает острое недовольство со стороны неякутского населения. Одним из проявлений такого недовольства стало увеличение миграционного оттока из Якутии. В основном этим можно объяснить снижение численности населения республики между 1989 и 1999 гг. на 93,4 тыс. чел.

Исследователи современной этнонациональной ситуации в Республике Саха (Якутия) приходят к неутешительному выводу: в условиях отсутствия политических механизмов разрешения споров это может привести к возникновению острых конфликтных ситуаций. Но даже в сегодняшних предкризисных условиях традиции добрососедства в отношениях между русскими и якутами сохраняются (особенно в сельских районах) и оказывают важное стабилизирующее воздействие на межкультурные взаимодействия в республике.

Русские – малочисленные народы Севера.

КМНС – сравнительно небольшая группа населения, претендующая на звание «коренных народов Дальнего Востока», но в силу своей малочисленности и крайне незначительной включенности в социально-политическую и экономическую жизнь региона практически не оказывающая на нее никакого влияния. Вместе с тем на волне роста национального самосознания этих народов на территории их традиционного проживания сформировались определенные политические структуры, стремящиеся под маркой защиты жизненных интересов народов Севера реализовать свои зачастую узкокорыстные цели.

Так, «парад суверенитетов», волной политических страстей прокатившийся по всей России в первой половине 1990-х гг., затронул и коренные малочисленные народы Дальнего Востока. О своем стремлении повысить политико-административный статус территорий традиционного проживания заявили руководители Чукотского и Корякского автономных округов, Нанайского района (одно время обсуждалась даже идея о создании нанайской автономной республики с центром в Комсомольске-на-Амуре).

Однако в большинстве случаев здравый смысл победил. Действительно, правомочно ли решать важнейшие политические и социальные вопросы от имени коренных малочисленных этносов, доля которых колеблется в разных национально-государственных образованиях региона от 1,4 до 16 %, только лишь потому, что они являются титульными и/или коренными?

Политические амбиции иных лидеров, пытающихся править от имени явного меньшинства, к тому же демонстрирующего политическую индифферентность даже при решении самых насущных их проблем, могут привести к усилению национальных противоречий между коренным и пришлым русскоязычным населением. Пока этого не произошло. Но задача широкого вовлечения коренных народов в политическую жизнь региона не снимается с повестки дня. При недостаточной реальной поддержке со стороны государства, в условиях перманентного бюрократизирования общественных организаций типа Ассоциации народов Севера и им подобных, северные народы могут оказаться в положении, чреватом непоправимыми негативными последствиями для них. Этого нельзя допустить. Нельзя хотя бы потому, что без 1,25 % аборигенов на Дальнем Востоке край потеряет духовную самобытность, то самое необщее выражение лица, без которого земля превращается в «район расселения».

Русские – российские корейцы.

Корейцы впервые появились на российском Дальнем Востоке в 1863 г. Бежать из «Страны утренней свежести» на север их заставляли беспроектная нужда и частые стихийные бедствия. Только после сильного наводнения и последовавшего за тем голода в 1869 г. в Россию перешло, по разным оценкам, 4,5 – 7 тыс. корейцев. Селились они преимущественно в Приморье, где к началу XX в. существовало уже более 100 корейских селений, в которых проживали 50 тыс. чел. В конце XIX в. корейцы появились и на острове Сахалин.

После установления в Корее японского господства (в 1905 г.) миграция корейцев в Россию усилилась. Помимо Приморья и Сахалина, они селились в Амурской и Забайкальской областях, городах Никольск-Уссурийске, Владивостоке (там возник корейский квартал), Николаевске-на-Амуре, Хабаровске. Многие оказывались в экономической зависимости от русских кулаков и предпринимателей, становились батраками, выполняли самую тяжелую и низкооплачиваемую работу. Все это не способствовало их процветанию. Возможно, поэтому и в 1905 – 1907 гг., и в 1917 – 1922 гг. корейцы поддерживали большевиков в их борьбе с «эксплуататорами», а позже активно включились в процесс социалистического строительства на Дальнем Востоке. Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала их общую численность в России – 168 тыс. чел.

Однако в конце 1930-х гг. произошло событие, на несколько десятилетий омрачившее судьбу этого народа. В связи с усложнением международного положения в регионе (в 1932 г. Япония захватила северные провинции Китая, образовала там прояпонское марионеточное государство Маньчжоу-Го и расположила миллионную Квантунскую армию непосредственно на границе с СССР; летом 1937 г. началось широкомасштабное наступление Квантунской армии на юг с целью захвата всей Китайской

республики), советское правительство приняло решение о депортации всех корейцев с Дальнего Востока РСФСР в Среднюю Азию и Казахстан. Официальным поводом для массового выселения послужило обвинение целого народа в шпионаже в пользу Японии (обвинение тем более несостоятельное, что корейцы, чья родина была оккупирована японцами, считали их своими злейшими врагами).

Депортация, проведенная органами НКВД осенью 1937 г., стала первой в серии переселений народов, организованных по воле И. В. Сталина в 1930 – 1940-е гг. В течение нескольких месяцев все без исключения корейцы, проживавшие на востоке страны, были вывезены в пустынные области Казахстана и Узбекистана, мало пригодные для жизни. Многие вынужденные переселенцы в то страшное время погибли от голода и холода, оказавшись накануне зимы без жилья, пищи, теплой одежды. Особенно высокой смертность была среди стариков и маленьких детей. И все же люди выстояли, прижились.

В середине 1950-х гг. корейцам разрешили вернуться на Дальний Восток, но большинство остались на новых местах. Вплоть до конца XX в. более 70 % советских корейцев по-прежнему проживали в Средней Азии и Казахстане (в Узбекистане – 183,1 тыс. чел., в Казахстане – 103,3 тыс. чел., в Киргизии – 18,4 тыс. чел., в Таджикистане – 13,4 тыс. чел.). В РСФСР в тот же период было 107,1 тыс. корейцев, в том числе на Сахалине – 35,2 тыс. чел., в Приморском крае – 8,5 тыс. чел. и в Хабаровском крае – 8,3 тыс. чел.

В 1990-е гг. возникли политические условия, при которых обиженные Советской властью народы, в том числе и корейцы, смогли потребовать возмещения понесенных ими в ходе переселений утрат, а также возвращения на исконные земли проживания. Корейцы, жившие в Казахстане и Средней Азии, обратились с просьбой о репатриации. В середине 1990-х гг. специальная правительственная комиссия по реабилитации корейцев рассматривала вопрос о возможности предоставления им в пользование пустующих и малозаселенных земель в Приморском крае. В последующие годы туда переселились несколько сотен корейских семей, однако поддержки со стороны местных властей они не получили, поднятый ими вопрос о создании корейской автономии на территории края вызвал резко негативную реакцию со стороны местного населения, создав, таким образом, очаг возможной межэтнической напряженности в будущем.

Русские – представители кавказских и среднеазиатских этносов.

Выходцы из бывших южных республик СССР (азербайджанцы, армяне, таджики, узбеки, цыгане и др.) составляют ничтожные тысячные доли процента от числа всего населения региона (азербайджанцев, например, в Хабаровском крае около 5 тыс. чел. – 0,003 %). Почему же общественное мнение воспринимает их так остро? Основная причина – иная куль-

тура и, часто, иная религия, проявляющиеся как во внешнем облике, так и в особом менталитете, заставляющем одних быть (или казаться) вызывающе богатыми (преимущественно кавказцы), других – ужасающе бедными (выходцы из среднеазиатских государств, где и в советские времена уровень жизни населения был в несколько раз ниже, чем в среднем по РСФСР).

Одни, заняв ключевые посты в торговле и сфере услуг, постоянно на виду на рынках и в магазинах, другие, захватив людные панели центральных улиц, оборванные и немые, делают иной бизнес, занимаясь попрошайничеством. Они *иные*, не такие как мы, и именно этим вызывают неприятие и настороженность у многих дальневосточников.

Тем не менее в большинстве случаев население демонстрирует по отношению к ним изрядную долю толерантности. Значит, для обострения межэтнических противоречий простого отличия (культурного, материального, религиозного, даже политического) недостаточно. Дестабилизирующим фактором может выступить ситуация, когда на фоне всеобщей стагнации определенные этносоциальные группы начинают повышать свой социально-экономический и политический статус. Именно это происходило в регионе в конце 1980 – начале 1990-х гг., когда на волне гиперинфляции началось обогащение зарождающейся прослойки предпринимателей. Причем несмотря на то что и среди «новых русских» доля кавказцев была не так уж высока, гнев народный обрушился именно на последних. Чего стоит, например, фраза из письма хабаровчанки, опубликованного в «Тихоокеанской звезде» 5 сентября 1990 г.: «Южане заполнили рынки, не дают жизни дальневосточникам... армяне-цыгане растаскивают наше богатство... этих южан гнать надо в их республики, а границу – закрыть!»

В случае с «южанами» особенно явно видно, как устойчивые мифы, основанные чаще всего на поверхностном внешнем отличии одних народов от других, способны обострять межэтнические отношения, подводя их к роковой черте.

Преимущественно негативное отношение русского населения Дальнего Востока к представителям народов Кавказа, Средней Азии и цыганам в немалой степени инспирируется их криминальной активностью. Не секрет, что именно выходцы из южных республик бывшего СССР, прикрываясь легальной коммерческой деятельностью, основной доход получают от торговли наркотиками, содержания притонов и иных преступных деяний. Очевидно, что успех в борьбе с организованной преступностью на Дальнем Востоке во многом бы способствовал и нормализации межэтнических отношений на данной оси противостояния.

В последнее десятилетие к этим проблемам добавилась массовая трудовая миграция, породившая ряд своеобразных проблем, о чем уже было сказано в разделе 3 и будет продолжен разговор в разделе 7 данного пособия.

Россияне – китайцы.

Китайцы появились в Приамурье намного раньше русских землепроходцев. Первоначально это были беглые преступники, спасавшиеся от преследования китайскими властями. Многие из них попадали в рабство к коренным жителям края (предкам современных нанайцев и удэгейцев), занимались для них огородничеством. В XVIII – начале XIX вв. со стороны Китая предпринимались не очень удачные попытки заселения Приамурья маньчжурскими крестьянами. Однако после присоединения к России Приамурья (в 1858 г.) на территории современной Амурской области оказалось всего лишь несколько маньчжурских селений, жители которых в соответствии с достигнутым между Россией и Китаем соглашением оставались подданными императора Поднебесной.

Во 2-й половине XIX в. число китайцев в Приамурье неуклонно возрастало. На территории России они занимались преимущественно сельским хозяйством, торговлей, промыслами и отходничеством (последних в народе называли *манузы*). В таких городах, как Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, возникли китайские кварталы, где звучала китайская речь, стояли дома китайской постройки, жизнь китайцев мало отличалась от их жизни на родине. В конце XIX в. в Приморье и Приамурье на заработки прибывали уже десятки тысяч китайцев, которые были дешевой рабочей силой и широко использовались на строительстве железных дорог, в горнорудной, лесной и пищевой промышленности.

Первый удар по относительно благополучным русско-китайским отношениям, установившимся на Дальнем Востоке во 2-й половине XIX в., был нанесен в 1900 – 1901 гг., когда в ходе восстания ихэтуаней, боровшихся против строительства Китайско-Восточной железной дороги, возникла угроза Благовещенску. Мероприятия местных властей, направленные на урегулирование конфликта, только разожгли националистическую истерию. Русскоязычное население Амурской области, напуганное китайской угрозой и возможной агрессией со стороны огромного соседнего государства, принялось самочинно расправляться с жившими рядом с ними в течение десятилетий мирными хлебопашцами и мелкими торговцами. В течение нескольких месяцев были утоплены в Амуре, расстреляны и растерзаны толпами обезумевших от страха людей несколько тысяч китайцев и маньчжуров. На какое-то время китайцы исчезли из Приамурья, создав заметный дефицит дешевой рабочей силы как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

После 1905 г. их приток в регион вновь усилился. По официальным данным, в Приморье и Приамурье в 1910 г. находилось уже около 90 тыс. китайцев, а фактически намного больше, потому что подсчитать их в то время не представлялось возможным: большинство прибывали в регион нелегально и нигде не регистрировались. Половой состав китайских

рабочих и торговцев был очень непропорциональным. По некоторым данным, на 1000 чел. мужчин приходилось всего несколько десятков женщин-китайцев. Это приводило к тому, что китайцы вступали в брак с местными женщинами, в том числе и русскими. Довольно большая их часть ассимилировалась и приняла русское подданство. Однако огромная масса выходцев из Китая по-прежнему проживала нелегально.

В предреволюционные годы китайцы распространились по всей России. Много их оказалось и в столицах – Москве и Петрограде. В 1918 г. в Петрограде возник даже профессиональный союз китайских рабочих. По данным этого профсоюза, в 1920 г. в России легально проживало около 100 тыс. китайских эмигрантов.

В 1930-е гг. правительство Советского Союза стало проводить политику возвращения китайцев на родину. Перепись населения СССР 1937 г. зафиксировала 38,5 тыс. китайцев, но в том же году их постигла участь корейцев: все они были выселены в Среднюю Азию и Казахстан, откуда большинство отправлены в Китай, многие (около 10 тыс. чел.) репрессированы – оказались в застенках сталинских лагерей.

После депортации 1937 г. в СССР осталось очень небольшое число ассимилированных китайцев, которые отказались не только от своей родины, но и от национальности (символом такого отказа послужило изменение китайских имен на русские). Вплоть до конца 1980-х гг. китайцев в Советском Союзе было очень мало (по данным переписи 1989 г. – 5,2 тыс. чел. на всю страну). На Дальнем Востоке их численность оказалась настолько мала, что даже не попала в официальные публикации итогов переписи.

Однако в те же 1980-е гг. по мере нормализации советско-китайских, а затем российско-китайских отношений и облегчения пересечения российско-китайской границы число китайцев на территории Дальнего Востока России, Забайкалья, Казахстана и Средней Азии стало последовательно возрастать.

Назвать их точную численность в настоящее время не представляется возможным. Большинство китайцев, осевших на территории бывшего СССР и занимающихся мелким кустарным бизнесом и челночной торговлей, проживают здесь, как и прежде, нелегально. По мере обзаведения капиталом они скупают недвижимость, через подставных лиц обзаводятся собственностью и таким образом формируют все более заметный социальный слой, влияющий не только на экономический, но и военно-политический потенциал региона.

Местные власти, пытаясь противостоять нашествию непрошенных китайских гостей, проводят периодические «чистки», выявляя и выдворяя за пределы России незаконно проживающих у нас граждан Китая. Однако все эти меры оказываются малоэффективными. По некоторым оценкам, основанным, впрочем, не на статистике, а на достаточно грубом подсчете,

число китайцев, нелегально осевших на Дальнем Востоке и в Средней Азии на рубеже XX – XXI вв., достигало 1 млн чел. Даже если эта цифра и завышена, нужно считаться с тем, что китайцы (кстати, до сих пор рассматривающие Приамурье своей незаконно отторгнутой от Китая территорией) медленно, но верно входят в социально-экономическую жизнь приграничных земель, становятся неотъемлемой частью жизни Дальнего Востока и в начале XXI столетия вносят все более ощутимый вклад в экономическое развитие региона, но вместе с тем несут и немалую потенциальную угрозу нашей государственной безопасности в случае возможного осложнения отношений с КНР.

5.4. Условия оптимизации межкультурных отношений

Приходится признать, что вплоть до начала 2010-х гг. несмотря на очевидное усиление напряженности межнациональных отношений на Дальнем Востоке они не становились объектом серьезного научного исследования. Некоторое исключение составляли лишь немногочисленные публикации о взаимоотношениях между якутами и русскими, русскоязычным населением и коренными малочисленными народами Севера. Что касается анализа отношений между русскими и корейцами, русскими и народами республик Кавказа и Средней Азии, то они находились лишь в сфере интересов корреспондентов массовых газет и журналов. Все изменилось лишь после того, как была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Вместе с тем до сегодняшнего дня многие аспекты этой проблемы еще ждут своих исследователей.

Каким же образом можно влиять на развитие межнациональных отношений на Дальнем Востоке, да и в целом в России? На этот счет сложилось несколько мнений. Наиболее радикальный представлен набирающими силу националистическими профашистскими движениями типа «Русское национальное единство» (РНЕ), выступающими под лозунгом: «Россия – для русских!» Однако для любого здравомыслящего человека очевидно, что в нашей стране, исконно многонациональной, – это путь к таким межнациональным столкновениям, по сравнению с которыми события в Чеченской республике покажутся детскими забавами.

Другой путь предложен и реализуется с середины 1990-х гг. Правительством России, которое предприняло попытку создать юридические основания для принципиального разрешения национальных противоречий сегодня и в обозримом будущем. Ставку сделали на постепенный перевод межнациональных отношений из национально-государственной плоскости в культурно-бытовую. Была поставлена задача достижения максимально высокой оптимизации жизни всех этносов вместе и каждого в отдельности в рамках существующего политико-административного устройства России.

Юридическую базу для этого составили два документа, принятые в 1996 г.: Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» и Указ Президента РФ от 03 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации».

Развитие национальной культуры, книгопечатание и школьное образование на родном языке, создание культурных центров и религиозных общин, возведение соответствующих культовых сооружений – все это стало теперь возможным. Во 2-й половине 1990-х гг. в Приморье, Приамурье, на Сахалине, в Еврейской автономной области и других субъектах Дальневосточного региона были зарегистрированы десятки общественных национальных объединений, таких как Хабаровская краевая ассоциация корейцев, центр немецкой культуры «Корн», Хабаровская городская общественная организация «Содружество» (азербайджанцы), культурно-национальное объединение «Корейская автономия в Приморье», Приморский краевой центр казачьей культуры, Украинский культурный центр в г. Спасске, Ассоциация сахалинских корейцев и др.

К сожалению, практика показала, что эти объединения и общества в значительной мере не реализуют возможностей, предоставляемых им федеральным законодательством. Сказывается недостаток денежных средств, низкая общественная активность рядовых представителей тех или иных этносов, отсутствие поддержки со стороны местных органов власти.

На рубеже XX – XXI вв. в России и на Дальнем Востоке в частности сложились лишь предпосылки для рационализации и оптимизации межкультурных взаимодействий. Наша общая задача состоит в том, чтобы предпосылки переросли в реальные дела, дали видимые результаты, делающие Дальний Восток родным домом для всех населяющих его народов независимо от национальности, цвета кожи, вероисповедания и т.д.

Выводы по теме

1) Понятия «нация» и «национальное» в западной и российской науке имеют неоднозначное толкование. В России утвердилась этнополитическая трактовка «нации», в соответствии с которой понятие «многонациональное» рассматривается как синоним «полиэтнического».

2) Россия – многонациональное (полиэтническое) государство. Межкультурные взаимодействия этносов в России нередко носят острый, конфликтный характер. Возникает национальный вопрос, охватывающий практически все сферы жизни общества. Всю совокупность проблем, связанных с национальным вопросом, призвана разрешать национальная политика государства.

3) Население Дальнего Востока России с глубокой древности формировалось как полиэтническое. В настоящее время здесь проживают

представители около 140 различных этносов. Самой многочисленной национально-этнической группой в регионе является русская.

4) На протяжении последних 150 лет межкультурные взаимодействия на Дальнем Востоке России носят преимущественно доброжелательный характер. Представители разных этносов и сегодня проявляют толерантность по отношению друг к другу. Однако между некоторыми из них существуют объективные противоречия, формирующие оси межэтнической напряженности: между русскими и якутами в Республике Саха (Якутия), переселенческим населением и КМНС, русскими и корейцами, русскими и представителями кавказских и среднеазиатских национальностей, россиянами и китайцами, принимающим населением и мигрантами (независимо от этнической принадлежности последних).

5) В начале 2010-х гг. межкультурные взаимодействия в регионе вызывают все большую тревогу у властей и общественности. Однако сегодня есть все возможности для того, чтобы пожар межэтнической войны так и не вспыхнул. Для этого необходимо объединить усилия государственных и общественных организаций по урегулированию напряженности, периодически возникающей между представителями разных этносов и конфессий Дальнего Востока России.

Вопросы и задания

1) С чем связано двойственное толкование понятия «нация» в социологии? Какие народы и почему, на Ваш взгляд, можно отнести к нации-государству и нации-этносу на Дальнем Востоке России?

2) Что такое национальный вопрос, и в чем, на Ваш взгляд, состоит национальный вопрос на Дальнем Востоке России?

3) Каковы причины преимущественно доброжелательных взаимоотношений между представителями разных национальностей на Дальнем Востоке в прошлом? Каков сегодня характер межнациональных отношений в регионе, в Вашем крае или области, городе, в котором Вы живете?

4) Как Вы оцениваете перспективу развития межнациональных отношений в регионе в ближайшем будущем и в отдаленной перспективе?

5) Как Вы считаете, созданы ли сегодня условия для удовлетворения культурно-социальных потребностей Вашей национальности, для трансляции Вашей национальной культуры будущим поколениям? Что этому способствует и что препятствует?

6) Удовлетворены ли Вы национальной политикой государства, местных органов власти в настоящее время?

7) Каков вклад местной администрации (руководства края, области, города, поселка, где Вы живете) в решение национального вопроса на подконтрольной ей территории? Как бы Вы оценили эффективность этой работы?

6. СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ КУЛЬТЫ И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

6.1. Сущность религии и ее роль в обществе

Религия и – в более широком смысле – верования являются важнейшими культурными феноменами любого общества. Исторический опыт и повседневная практика свидетельствуют, что человек не может жить без веры, будь то вера в Бога, Сатану, коммунизм, инопланетян и т.д. Как ни парадоксально, но и атеизм, отрицающий существование Высшего разума, так же как и других сверхъестественных существ, тоже есть вера, потому что наличие этих существ или их отсутствие в равной степени невозможно доказать.

Что же такое религия? На этот счет единого мнения нет. Как и всякое другое сложное социальное явление, религия неоднозначна, а потому не может быть и однозначно интерпретирована. Однако поскольку в задачу настоящего пособия не входит основательное рассмотрение теоретических аспектов проблемы, мы ограничимся приведением такого определения, которое в данном конкретном случае позволит подойти к социокультурному пониманию религии и сопутствующих ей явлений, а также приблизиться к пониманию специфики религиозной ситуации на Дальнем Востоке.

Религия (от лат. *religio* – набожность, святыня, предмет культа) – это мировоззрение и мировосприятие, связанные с соответствующим поведением и своеобразными действиями, основанными на вере в существование той или иной разновидности сверхъестественного.

Вера – непоколебимая уверенность в том, что невозможно доказать или опровергнуть.

Итак, строго говоря, верующие и неверующие – все пребывают в вере, только для первых она позитивна (Бог есть), для вторых – негативна (бога нет). Вместе с тем верующие оказываются в некотором роде в более выгодном положении. Если первые объединены в религиозные организации, то вторые – атомизированы, предоставлены самим себе. И если вера неверующих (идеология) не предполагает наличия каких-либо организованных групп (типа политической партии или масонской ложи), то их социальное и психическое состояние оказываются заметно хуже, чем у верующих.

Во времена, предшествовавшие индустриальной эпохе, породившей феномен отрицания Бога, социальные общности (сельская община, население города, целого государства или его части), как правило, в религиозном плане были гомогенны. После того как человечество разделилось на верующих, неверующих и атеистов, а также в результате массовых переселений, колониальных захватов и перекраивания политической карты мира,

в рамках одного государства оказались объединены, а нередко и рассредоточены друг в друге значительные массы людей, принадлежащих к различным, нередко враждебным друг другу верованиям. Возникли своеобразные социальные анклавы – относительно изолированные друг от друга религиозные общности.

Религиозная общность – это тип социальной общности, включающий верующих, проживающих на определенной территории (село, город, провинция, государство), исповедующих какую-либо одну религию и объединенных в религиозную организацию (конфессию, церковь, приход, секту).

Какова роль религии в обществе? Почему, возникнув на заре человеческой цивилизации, она просуществовала тысячелетия и до сего дня, несмотря на гигантский прогресс науки и всеобщий прагматизм по-прежнему занимает умы и сердца людей, побуждая их действовать зачастую не так, как следовало бы по логике вещей, а так, как велят им их религиозные убеждения?

Один из ответов на эти вопросы состоит в том, что окружающий нас мир до конца, «до доньшка», в принципе, не познаваем. Как бы ни была развита наука, она никогда не сможет ответить на фундаментальные вопросы бытия: откуда взялся окружающий нас мир во всем его многообразии? Откуда и как появился человек? Для чего мы все вместе и каждый в отдельности пришли в этот мир и живем в нем? На все эти вопросы по-разному, но убедительно для верующих отвечает религия. Она задает смысл жизни человеку – в этом ее основное, но не единственное предназначение.

Другой важнейший аспект религии – управление и контроль над нашими душевными переживаниями, тем, что находится внутри нас и тщательно сокрыто от посторонних. Истинная вера – это тот нравственный императив, который заставляет верующих жить в соответствии с морально-этическими принципами исповедуемого ими культа, жить в гармонии ума и сердца.

Еще одна причина существования религии – страдания людей. К сожалению, нашу жизнь сопровождают несчастья: болезни, смерть близких, наконец, постоянное ожидание своей собственной смерти. Человечество смогло найти только один способ облегчения нескончаемых душевных мук – веру в бессмертие (или реинкарнацию) души и загробный блаженный мир, обоснование и доказательство существования которых также заключены в религии.

Практически все религии мира содержат утверждение о бессмертии души. Наиболее значимые и проработанные религиозные обряды связаны со смертью и погребением покойных. Это не случайно. Смерть близкого человека – едва ли не самое сильное потрясение в жизни каждого из нас. Истинная вера позволяет не только смириться с болью утраты, компенси-

ровать душевные переживания, но во многих случаях и порадоваться за усопшего, который при нашей помощи, путем тщательного соблюдения всех необходимых похоронных обрядовых действий обретет желанный «покой и блаженство на небесах».

Несмотря на то что, по убеждению верующих, их культ ниспослан свыше благодаря некоему божественному откровению, научные наблюдения, да и обыденная практика свидетельствуют, что религия неразрывно связана с социальной жизнью людей и вместе с ней непрерывно изменяется. Религия, как и любое другое социальное явление, служит людям, выполняя ряд важнейших социальных функций. Однако если в далеком прошлом она охватывала и регламентировала практически все сферы жизни людей, от каждодневного поведения отдельного человека до политики целого государства и даже многих государств (например, католицизм в средневековой Европе), то по мере приближения к нашим дням сфера ее влияния на общество последовательно сужалась. Современное секуляризованное общество уже чрезвычайно далеко от тотального охвата религией. Тем не менее говорить о том, что сегодня религия утратила все свои позиции, не только преждевременно, но и совершенно необоснованно.

Вторая половина XX в. продемонстрировала новый взлет религиозности. Какова специфика современной религиозной жизни людей?

Одна из характерных ее особенностей – заметное повышение интереса к религии вообще и отдельным религиозным культам в частности. Социологические опросы фиксируют повсеместное увеличение числа верующих. Связано это, скорее всего, с тем, что нынешнее информационное постиндустриальное общество отчуждает людей друг от друга. Как это ни парадоксально, но в кишасщем муравейнике современного мегаполиса люди все острее ощущают одиночество, никчемность и сиюминутность своего существования на земле. Подобное массовое состояние оборачивается ростом неврозов, умственных расстройств, самоубийств. Многие в такой ситуации ищут и находят для себя спасение в религии. В данном случае для человека оказывается важна не религия сама по себе, а возможность влиться в некую религиозную общность (группу, общину, секту, приход) и таким образом преодолеть свое одиночество. Последнее обстоятельство, кстати, приводит и к большому разнообразию современных религиозных культов.

Если в прошлые времена определенная религия, как правило, объединяла представителей одной национальности или одного государства, выступая интегрирующим фактором и играя заметную политическую роль в обществе, то в XX в. ситуация принципиально изменилась.

Демократизация западного мира не обошла стороной и религию. Будучи формально и фактически отделенной от государства в большинстве стран мира, религия утратила важнейшую опору для тотального влияния

на сознание и поведение людей. Это привело к тому, что сегодня наряду с сохранением идеи партикулярности все или почти все религии вынуждены демонстрировать изрядную долю толерантности по отношению друг к другу. Таким образом, политический плюрализм современного общества вызвал к жизни плюрализм религиозный.

К началу XXI в. почти не осталось таких стран (за исключением некоторых исламских государств), где за какой-либо одной конфессией провозглашается единоличное право на существование и обладание умами людей. За небольшим исключением культов, несущих прямую угрозу физическому или психическому состоянию их приверженцев либо явно попирающих общепринятые нравственные и этические нормы, все церкви, секты и деноминации имеют равное право на существование в современном обществе. В мире постоянно появляются новые «святые» и «проповедники», несущие людям «истину» и «откровение». И если они находят благодатную почву для своих идей, возникает новое религиозное учение.

Почему же общественное мнение как в прошлые времена, так и теперь склонно более терпимо относиться к традиционным религиям, чем к новоявленным культам? Дело в том, что традиционные религии выполняют важнейшую социальную функцию: они сохраняют, развивают и транслируют от поколения к поколению культуру как отдельных народов, так и всего человечества. Собственно говоря, вся современная мировая культура, как на трех китах, покоится на трех мировых религиях: буддизме, христианстве и исламе.

Сохранение и укрепление традиционных религий, по мнению большинства людей, способствуют сохранению традиционной культуры, а значит, стабильности общества. Напротив, появление и распространение нетрадиционных религиозных движений воспринимаются в качестве культурных новообразований, несущих в себе элементы злокачественности, а значит, потенциально способных взорвать существующий миропорядок.

Что касается России, то здесь в течение столетий господствующей религией было православие. Православная церковь истово боролась за чистоту веры, искореняла еретиков, сектантов и схизматиков. Однако одновременно на окраинах империи существовали и другие национальные религии (католичество, ислам, ламаизм, шаманизм), которые не подвергались особым гонениям ни со стороны государства, ни со стороны официального православия.

После Октябрьской революции положение религии в Советском Союзе претерпело существенные изменения. Одним из первых декретов Советской власти был декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Но провозглашение атеизма в качестве одного из важнейших компонентов государственной идеологии фактически обернулось воцаре-

нием новой веры в коммунистический рай, создаваемый в одной отдельно взятой стране.

При этом формально отправление религиозных культов не запрещалось. Все принятые в 1918 – 1977 гг. Конституции СССР/РСФСР провозглашали свободу совести как одно из важнейших завоеваний социалистической демократии. Одновременно сама религиозная деятельность была взята под строгий контроль. Секты и конфессии, не разрешенные государством, равно как их приверженцы, подвергались настоящим гонениям, вплоть до уголовного преследования. Назвать себя верующим в СССР означало подвергнуться официальному ostracismu и лишиться доступа ко всем многочисленным социальным благам советского общества.

Начавшаяся в 1985 г. перестройка затронула и религию. Можно сказать, что только со 2-й половины 1980-х гг. свобода совести стала приобретать в нашей стране свое истинное содержание. Отказ от господствующей коммунистической идеологии и провозглашение принципа идеологического плюрализма почти автоматически привели к плюрализму религиозному. Однако это обернулось для россиян другой бедой. После принятия в 1990 г. Федерального закона «О свободе вероисповеданий» на территории Российской Федерации стали расти, как грибы после дождя, сотни разнообразных религиозных и псевдорелигиозных церквей, общин и сект, многие из которых имели явно антигосударственный, антирусский, антигуманный характер.

Уже через несколько лет несовершенство закона стало очевидным, однако попытки его пересмотра долгое время заканчивались неудачей. Стремление властей отредактировать некоторые статьи с учетом интересов традиционно господствовавшей в России Русской православной церкви (РПЦ) встречало ожесточенное сопротивление не только со стороны других конфессий, но и общественности, видевшей в этом угрозу с таким трудом завоеванной свободе совести. В этой ситуации инициативу перехватили регионы. В середине 1990-х гг. в целом ряде субъектов Российской Федерации были приняты местные законы, регламентирующие религиозную деятельность (например, Закон Хабаровского края от 28 июня 1995 г. «О религиозной деятельности на территории Хабаровского края»). В то же время в составе администраций краев и областей появились специальные комиссии по связям с религиозными организациями. Все это позволило навести относительный порядок в деятельности разнообразных религиозных объединений и общин, однако полного контроля над ними установлено по-прежнему не было. Новый закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятый в 1997 г., несколько упорядочил религиозную деятельность в масштабах Российской Федерации.

Наличие большого числа разнообразных конфессий и культов нельзя считать чем-то исключительным или угрожающим духовному благополу-

чию как всей России, так и ее регионов. Многоконфессиональность, так же как появление разнообразных, нередко экзотических культов и сект, – явление, ставшее характерным для всего мира еще в 1970-е гг. Россия в силу политических обстоятельств только с конца 1980-х гг. оказалась в сходной ситуации, что и породило у непредвзятых наблюдателей представление об аномальном взлете религиозности россиян.

Социологические опросы, проведенные в ряде субъектов Российской Федерации, в том числе и на Дальнем Востоке, показали, что тенденция роста верующих отразила во многом лишь поверхностные явления, не затронув мировоззренческие основы сознания людей. После того как был снят официальный запрет на религию, когда наши политические деятели, включая президента и главу правительства, стали демонстрировать не просто лояльность, а приверженность традиционному православию, в обществе стало «модным» во что-либо верить. При этом большинство людей, отвечавших на вопросы интервьюеров: «Я верующий», уточняли, что верят, зачастую, во что и кого угодно, вплоть до переселения душ и гадания по картам. Все это позволило исследователям сделать не очень-то утешительный вывод: «Не религия побеждает в России атеизм, но религия и атеизм отступают перед ростом мировоззренческой неопределенности и идейной эклектики».

6.2. Религиозная жизнь Дальнего Востока в прошлом

Религиозные процессы на Дальнем Востоке как в прошлом, так и теперь отличаются известным своеобразием. Связано оно, главным образом, с особым географическим положением и национальным составом населения региона. Многонациональность и, как следствие, многоконфессиональность – одна из характерных черт религиозной жизни Дальнего Востока с глубокой древности.

Русские землепроходцы, пришедшие сюда в середине XVII в. и принесшие с собой православие, встретились с древней первобытной религией коренных народов региона. *Шаманизм* сочетал в себе веру в одушевленность окружающего мира, наличие в нем сонма невидимых, но могущественных сил, способных помогать или вредить человеку, убеждение в том, что только особые избранные их сородичи – шаманы – способны обуздать нрав духов и природных стихий, заставить их служить людям. Шаманизм как первобытная и во многом примитивная религия не мог составить серьезной конкуренции православию. Русские священники и монахи, прибывшие вместе с переселенцами, с воодушевлением принялись обращать «язычников» в «истинную веру».

Миссионерская деятельность РПЦ на Дальнем Востоке заметно активизировалась в середине XIX в. в связи с присоединением к Россий-

ской империи Приамурья и Приморья. В 1856 г. была учреждена Приамурская духовная миссия, на 1820 – 1850-е гг. приходится миссионерская деятельность одного из наиболее известных религиозных деятелей Дальнего Востока – святителя Иннокентия (И. Вениаминова). Однако, как показало будущее, насаждение среди «туземцев» православной веры было чисто поверхностным, нередко оно ограничивалось лишь крещением и получением русского имени. На всем протяжении от Чукотки до Китая местное население, проявляя лояльность к новой религии и на словах признавая ее, продолжало верить в своих древних богов и тайно справлять свои традиционные религиозные обряды.

То же произошло и с другой мировой религией, оставившей свой след в прошлом Дальнего Востока. Распространение *буддизма* связано с появлением здесь китайцев, преимущественно торговцев и промысловиков. Социальную базу учения составила верхушка местного коренного населения: племенные вожди, военачальники, богачи, выделившиеся из числа сородичей в процессе разложения родоплеменного строя. Буддизм выполнял на Дальнем Востоке сословно-дифференцирующую функцию, став идеологией новоявленной элиты. Но уже во 2-й половине XIX в. он был вытеснен православием и сохранялся почти исключительно в среде китайской диаспоры, существовавшей в Приамурье до 1937 г.

В результате массовых переселений на Дальний Восток из Европейской России и Украины здесь появились представители и иных религиозных конфессий, преимущественно христианских (католики, протестанты, молокане, старообрядцы и др.), а также идеологи и проповедники сект и вероучений, преследуемых властями. Однако по числу верующих бесспорное лидерство всегда принадлежало православию.

Еще одной важной особенностью религиозного пространства Дальнего Востока с XIX и до конца XX вв. был сравнительно низкий уровень религиозности его населения. Это отмечали как дореволюционные авторы, так и исследователи советского времени. В 1970 – 1980-е гг. уровень официально регистрируемой религиозности в СССР понижался с запада на восток от 40 – 45 % в Западной Украине до 5 – 10 % на Дальнем Востоке. Подавляющее большинство населения не причисляло себя ни к верующим, ни к атеистам и относилось к религии индифферентно.

6.3. Дальневосточное религиозное пространство в конце XX – начале XXI вв.

Начавшийся со второй половины 1980-х гг. религиозный «бум» затронул и Дальний Восток. Однако рост как регистрируемой, так и фактической религиозности здесь по-прежнему был заметно ниже, чем в западных регионах страны. Так, если по данным социологических опросов

1996 г. в Европейской России было 47 % верующих и 6 % атеистов, то в Хабаровском крае, например, 15 и 15 % соответственно²⁸. При этом необходимо иметь в виду, что оставшиеся 70 % населения – это люди, в принципе, готовые воспринять любую веру, будь то вера в Бога, в черта или в пришельцев из космоса.

На фоне возникшей в конце 1980-х гг. «моды» на религию и усиленно насаждавшейся в средствах массовой информации идеи о том, что религия «спасет Россию» от нравственного и физического падения, развала и гибели, общественное мнение оказалось подготовленным к восприятию любых идей, облаченных в религиозную форму. Следствием этого стало то, что на Дальнем Востоке, как, может быть, нигде более в России, возникли благоприятные условия для религиозной пропаганды. За очень короткий срок в краях и областях региона появились и стали вести активную миссионерскую деятельность сотни проповедников и миссионеров как из самой России, так и из-за рубежа.

На Камчатке, например, уже в 1993 г. было 12 религиозных конфессий (адвентисты седьмого дня, евангельские христиане, Новоапостольская церковь, свидетели Иеговы, кришнаиты, рериховцы, мусульмане и др.). По данным отдела по связям с общественными организациями и по вопросам религии Хабаровской краевой администрации, в течение 1990 – 2001 гг. число религиозных объединений в крае возросло в 8,5 раз. При этом наибольший рост был характерен для протестантских объединений (в 9 раз). Число православных приходов возросло в 6 раз. К началу 2001 г. в Хабаровском крае существовало 348 религиозных объединений с 37,1 тыс. членов, представлявших более 30 религиозных конфессий²⁹. Однако по количеству верующих в Хабаровском крае, как и на всем Дальнем Востоке, бесспорно, лидировала православная церковь. Соотношение числа религиозных объединений и входящих в них верующих в Хабаровском крае в начале 2001 г. представлено на рис. 2 и 3.

Не менее активная религиозная деятельность развернулась и в других краях и областях Дальнего Востока. И повсеместно православие уступало по числу зарегистрированных организаций иным конфессиям. Такое соотношение, так же как и широкое распространение экзотических культов типа Церкви Муна, Ко-Миссии, Общества Эвен-Эйзера, Общества сознания Кришны и других, стало прямым следствием неукорененной традиции русского православия на Дальнем Востоке.

²⁸ См.: Шарапова С. Не каждый бог – Бог. И рай, и ад – в нашей душе // Приамурские ведомости. 1997. 13 февраля.

²⁹ Текущий архив Отдела по связям с общественными организациями и по вопросам религии Администрации Хабаровского края.

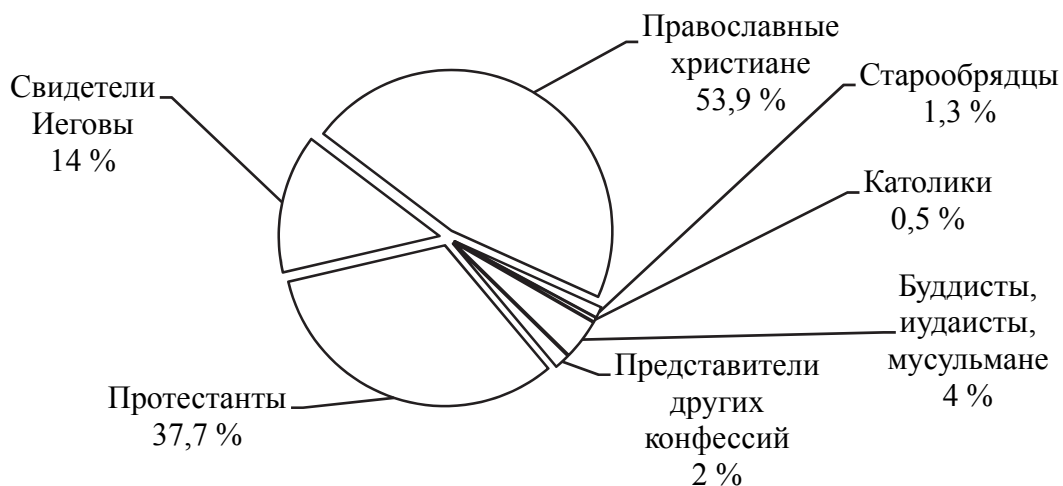

Рис. 2. Соотношение числа верующих в религиозных объединениях Хабаровского края в начале 2001 г.

Многообразие религиозных культов на Дальнем Востоке, так же как и во всей России, не является чем-то исключительным, а тем более свидетельствующим о нравственном разложении дальневосточников. Это тенденция, характерная для всего мира. По мнению российских и зарубежных экспертов-религиоведов, большинство существующих сегодня культов и сект не несут прямой угрозы как своим приверженцам, так и обществу в целом. В ряде случаев они выполняют своеобразную компенсаторную функцию, давая возможность людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, обрести покой, взять «тайм-аут», решить свои нравственные и психические проблемы.

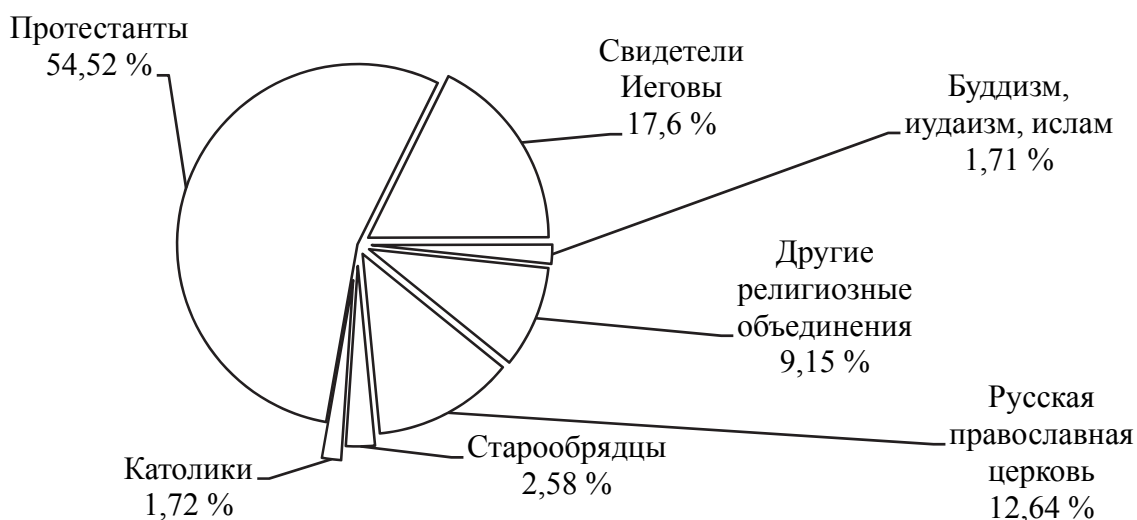

Рис. 3. Соотношение числа религиозных объединений в наиболее крупных конфессиях Хабаровского края в начале 2001 г.

Однако некоторые религиозные организации, в том числе и существующие на Дальнем Востоке, вызывают настороженное к себе отношение. Так, в некоторых общинах родители запрещают детям ходить в школу (это прямое нарушение российского законодательства). Свидетели Иеговы постоянно обращают на себя внимание крайней навязчивостью и агрессивностью в пропаганде религиозных взглядов. Неоднократно отмечалось, что они ведут пропаганду среди несовершеннолетних без ведома их родителей. Это также запрещено законом. Некоторые секты и церкви не спешат с регистрацией или официальной аккредитацией на территории региона (если это зарубежные церкви или миссии). Было отмечено появление и запрещенных в России сект, таких как Белое братство, секта Шри Чинмоя, АУМ Синрикё и др.

До сих пор окончательно не решена проблема административного надзора за содержанием деятельности религиозных организаций. Введение надзора расценивается общественностью как нарушение закона о свободе совести. Его отсутствие может привести к провоцированию иных сект на противозаконные и антиобщественные действия – кодирование психики (особенно у молодых людей), суггестизм, призывы к уходу из активной жизни, разрыву не только с общественностью, но и с семьей, близкими, родными людьми, установление фактического духовного рабства над рядовыми членами религиозной общины.

Религиозная деятельность и религиозные общности исследуются у нас и за рубежом. Однако нынешнее положение России не позволяет проводить масштабные социологические исследования в этой области. К сожалению, приходится констатировать, что в 1990 – 2000-е гг. на Дальнем Востоке России масштабных исследований религиозности населения не проводилось, а те немногие статистические данные, которые публиковались в открытой печати, конечно, не позволяют глубоко исследовать данную проблему. Однако совершенно очевидно, что на фоне практически полной идеологизации российского общества охват россиян религиозными верованиями самого разного толка будет углубляться и нарастать. В этих условиях без серьезных и масштабных исследований не обойтись. Такой важный аспект социальной жизни, как религия и вера, должен находиться под пристальным вниманием не только ученых, но и властных структур, педагогов, всех тех, кого волнует будущее нашего региона, всей России.

Выводы по теме

1) Религия и вера играют особую роль в жизни людей. Несмотря на распространение идеологии атеизма и продолжающийся процесс секуляризации общества они по-прежнему выполняют важные социальные функции, способствуют оптимизации жизни индивидов. Важнейшие функции

религии: смыслополагающая, морально-этическая, амортизационная, компенсаторная.

2) Со второй половины XX в. интерес к религии стал заметно возрастать. Процесс демократизации современного общества распространился и на религиозную сферу, привел к распространению поликонфессиональности и веротерпимости. Однако несмотря на повсеместное появление и распространение новых церквей, деноминаций, культов и сект, ведущая роль по-прежнему принадлежит мировым религиям: буддизму, христианству и исламу.

3) В царской России государственной религией было православие. Однако во многих регионах страны допускалось сохранение и развитие местных культов (ламаизма в Забайкалье, ислама в Поволжье и Средней Азии, католичества на Западной Украине и в Польше и т.д.).

4) В советское время церковь была отделена от государства. Официально провозглашалась свобода совести исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой. Фактически же началось преследование верующих. Повсеместно распространялась идеология воинствующего атеизма.

5) После того как в 1990 г. был принят закон «О свободе вероисповеданий», в России появилось множество религиозных конфессий, сект, проповедников и миссионеров. Далекое не все они преследовали благие цели. Новый закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятый в 1997 г., позволил навести относительный порядок в религиозной деятельности на территории Российской Федерации.

6) Религиозные процессы на Дальнем Востоке России отличаются своеобразием. Важнейшие особенности дальневосточного религиозного пространства: многоконфессиональность и низкий по сравнению с другими регионами России уровень религиозности населения.

7) В 1990-е начале 2000-х гг. на Дальнем Востоке России, как и во всей стране, появились новые религиозные конфессии, проводилась миссионерская деятельность представителями религиозных культов самой различной направленности из Южной Кореи, США и других стран мира. Тем не менее ведущая роль в религиозной жизни Дальнего Востока по-прежнему сохраняется за православием, которое исповедует подавляющее большинство верующих. Актуальной остается проблема административного надзора за содержанием деятельности религиозных организаций в регионе.

Вопросы и задания

1) В чем Вы видите специфику социологического и культурологического изучения религии?

2) Какую роль религия и вера играют в жизни людей? В чем Вы видите изменение функций религии в современном обществе по сравнению с прошлыми эпохами?

- 3) Как изменялась религиозная ситуация в России на протяжении XX в.?
- 4) Какие особенности религиозной жизни Дальнего Востока в прошлом и настоящем Вы можете назвать? С чем связаны эти особенности?
- 5) Что Вы знаете о деятельности религиозных организаций в Вашем городе, крае, области?
- 6) Как бы Вы оценили интенсивность современной религиозной жизни в регионе?
- 7) Если Вы верующий, удовлетворяет ли Вас деятельность Вашей религиозной организации, способствует ли Ваша вера осуществлению Ваших жизненных планов?
- 8) Как Вы оцениваете характер взаимодействия местных властей с местными религиозными организациями на Дальнем Востоке, в Вашем крае (области, городе, районе)?
- 9) Как Вы сами относитесь к религиозной сфере жизни людей?

7. ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ НОРМАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

7.1. Межкультурная напряженность и условия ее преодоления

7.1.1. Социально-экономические факторы межкультурной напряженности

Как показывает практика, большинство причин, провоцирующих конфликты между людьми, будь то социальные, политические, этнические или религиозные, изначально кроются в неудовлетворенности людьми своим социально-экономическим положением. Поэтому обращение к анализу социально-экономических факторов преодоления межкультурной напряженности в Дальневосточном регионе является более чем обоснованным. Это тем более важно, что основными аспектами в реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. стали развитие культуры, защита прав и совершенствование управления национальными отношениями. Однако следует отметить, что без решения социально-экономических проблем, лежащих в основе межкультурных взаимодействий, ни один из этих аспектов не будет решен в полной мере. Что касается Хабаровского края, то в плане краевого правительства, направленном на реализацию данной Стратегии, нет вообще ни одного пункта или мероприятия, направленного на решение социально-экономических проблем дальневосточных этнических групп.

Под *социально-экономическими факторами межнациональных отношений* мы понимаем совокупность объективных условий, характери-

зующих уровень социально-экономического развития и защищенности этносов (наций), а также наличие доступа к благам и привилегиям, определяющим их положение в социальной стратификации общества.

Важнейшие социальные факторы следующие:

- доступность здравоохранения, образования, социального страхования;
- включенность в социальные сети страны/региона, обеспечивающие социальную поддержку;
- уровень и качество жизни (обеспеченность жильем, возможность удовлетворить важнейшие витальные потребности);
- наличие/отсутствие дискриминации по этническому признаку.

Важнейшие экономические факторы:

- профессиональная подготовка;
- востребованность на рынке труда;
- характер занятости (включенность в этническое разделение труда);
- экономическая стратификация (соотношение богатых и бедных);
- преобладающие роли в экономике (предприниматели, наемные работники, представители индивидуальной трудовой деятельности и т.д.).

Специфика действия данных факторов в сфере межкультурных (межэтнических и межконфессиональных) отношений состоит в том, что они характеризуют не столько реальное соотношение разных национальностей в социальной стратификации общества, сколько устойчивое общественное мнение о доминировании одних национальностей и дискриминации других (т.е. эти отношения находятся в пространстве социального мифа); мнение об этих факторах исходит из взгляда на представителей одной национальности как социальную целостность, члены которой в равной степени зависят от этих факторов в силу самой принадлежности к ней; наконец, существует определенное расхождение между конституционной декларацией о равенстве граждан России независимо от их национальности (расы) и фактическим социально-экономическим неравенством, имеющим как объективные, так и субъективные основания.

Причины социально-экономического неравенства разных этнических групп в России:

1) сохраняющееся этническое разделение труда (в индустриальной сфере заняты преимущественно русские, нерусские – в аграрном секторе экономики);

2) разный уровень урбанизованности (представители одних этносов живут преимущественно в городах, других – в сельской местности; появление в городах представителей коренного населения вызывает недовольство русских, как, например, в г. Улан-Удэ – столице Республики Бурятия, – который до 1990-х гг. был, по сути, русским городом);

3) закрепленное со времен СССР социально-статусное неравенство, получившее воплощение как в категоризации «племя – народность – народ – нация», так и уровне национально-государственного оформления (у одних – национальная республика, у других – автономный округ или автономная область, у третьих – национальный район, у четвертых – ничего);

4) появление в 1990-е гг. новых социальных групп, имеющих выраженную этническую составляющую, которые заведомо поражены в правах и социально незащищены: беженцы, вынужденные переселенцы, трудовые мигранты (как легальные, так и нелегальные).

Помимо названных, есть также факторы, еще более усугубляющие социально-экономическое неравенство национальностей в России. К ним можно отнести следующие:

1) этнотерриториальные различия социально-экономического характера, порождающие различия в условиях и уровне жизни людей разных национальностей;

2) исходное неравенство социально-экономического положения разных национальностей, сохранившееся со времен существования СССР, а иногда и царской России;

3) различия в условиях жизни городского и сельского населения (если население городов и сел заметно различается по этническому составу);

4) непропорциональное соотношение представителей разных этносов в составе руководителей и подчиненных, занятых умственным и физическим трудом, творческой интеллигенции и рабочих и т.д.;

5) неодинаковые стартовые условия в получении образования, профессионального роста, карьеры, если они связаны с национальностью человека;

6) разнотемпное проведение социально-экономических реформ в регионах России, имеющих этническую специфику;

7) разная отдаленность от политических и экономических центров страны;

8) значительные различия по уровню жизни населения регионов и по условиям их развития, которые не только не уменьшаются, но и имеют тенденцию к увеличению вследствие особых привилегий федерального центра по отношению к отдельным республикам (например, Татарстану, Башкортостану, Якутии, Чечне);

9) деление государственной собственности и ресурсов в ходе приватизации, во многих случаях происходящее между клановыми и этническими группами, представители которых используют кровную солидарность в сугубо прагматических целях;

10) ограниченность в ряде регионов земельных ресурсов и приватизационных фондов, подталкивающая к использованию экономических

преобразований в интересах отдельных национальных групп в ущерб правам остального населения;

11) «узурпация» экономических ресурсов и средств хозяйственной деятельности в пользу тех или иных этнических групп населения (как титульных, так и нетитульных), наблюдающаяся в ряде республик и автономных округов;

12) крайне негативные экологические, демографические и социально-культурные характеристики, имеющиеся в ряде регионов компактного проживания этносов.

Условия оптимизации социально-экономического положения разных национальностей:

1) в политической сфере – фактическое уравнивание в гражданских правах всех категорий населения России;

2) в социальной сфере – достижение социальной справедливости в распределении благ и услуг (которое не должно зависеть от этнической принадлежности и связанного с ним статуса человека);

3) в экономической сфере – выравнивание уровня экономического развития регионов и общее повышение уровня и качества жизни населения России, преодоление разрыва в социально-экономическом развитии города и деревни (до сих пор самые отстающие регионы страны – это национальные республики Сибири и Северного Кавказа);

4) в сфере культуры – создание условий для полноценной реализации социально-экономических интересов как в пространстве российской, так и национальных культур; обеспечение равного доступа к получению профессионального образования.

7.1.2. Специфика межкультурных социально-экономических взаимодействий на Дальнем Востоке России и пути их оптимизации

Специфика межкультурных (межэтнических) социально-экономических взаимодействий на Дальнем Востоке России состоит в следующем:

1) моноцентрический тип расселения более чем с 90 % жителей русской национальности (что позволяет, вопреки расхожему мнению, отнести его к региону с высоким уровнем этнической однородности; исключение составляет лишь Республика Саха (Якутия));

2) доминирующую роль в экономике занимает промышленность;

3) есть значительные запасы полезных ископаемых, в том числе разведанных, но неосвоенных месторождений;

4) мало земель, пригодных для сельского хозяйства;

5) имеет место этническое разделение труда: в промышленности заняты преимущественно русские, в строительстве – трудовые мигранты

из Средней Азии, в торговле – кавказцы и китайцы, в сельском хозяйстве – русские и корейцы;

6) есть небольшая по численности, но брендовая для края часть коренного населения, занятая в традиционных промыслах (охота, рыболовство, оленеводство, декоративно-прикладное искусство);

7) этническую специфику имеют лишь некоторые села с преобладающим коренным населением;

8) межэтническая напряженность проявляется преимущественно в отношении трудовых мигрантов из Закавказья и Средней Азии (чаще всего – в краевых и областных центрах, меньше – в городах краевого/областного подчинения), с которыми связывают не только рост уровня преступности, но и конкуренцию на рынке труда;

9) отношение к гражданам России независимо от их этнической принадлежности толерантное (исключение – цыгане);

10) отношение к присутствию в экономике китайцев становится все более терпимым (привычным);

11) сохраняется низкий уровень предоставления социальных услуг (особенно в сфере здравоохранения), есть примеры этнической дискриминации (преимущественно по отношению к трудовым мигрантам);

12) острый недостаток благоустроенного жилья приводит к тому, что трудовые мигранты часто живут в неблагоустроенных жилищах, лишенных элементарных коммунальных услуг, что объективно провоцирует высокий уровень социальной напряженности между ними и местными жителями;

13) в крупных городах юга Дальнего Востока (особенно в Хабаровске и Владивостоке) происходит анклавное расселение трудовых мигрантов в некоторых жилых районах, что неблагоприятно сказывается на отношении к ним, имеет место этническая сегрегация при предоставлении жилья, найме на работу, в отношениях с работодателями (объявления: сдам жилье только русским; работодатели часто нарушают условия трудовых договоров, не доплачивая зарплату, не создают нормальные условия проживания своим работникам);

14) переселенцы, прибывшие по программе привлечения соотечественников, часто имеют серьезные проблемы с получением жилья и трудоустройством;

15) есть трудности с обучением в школе детей мигрантов, которых становится все больше (проблемы в освоении языка, необходимость учета религиозной принадлежности и т.д.).

В современных условиях Дальнего Востока России главным инструментом оптимизации социально-экономических отношений является обеспечение социальной справедливости и защищенности всех жителей края независимо от их этнической принадлежности, особенно в сфере трудовых отношений.

Главный вывод, который можно сделать из сказанного выше, следующий: этническое разделение труда, этническая сегрегация и прочие проявления социально-экономической дискриминации по этническому признаку не имеют под собой сколько-нибудь серьезных политических и социокультурных оснований. Это временное явление, связанное с процессом адаптации мигрантов к региону вселения. Вся острота современного положения связана с тем, что на территорию России продолжают прибывать все новые группы мигрантов и процесс их адаптации длится и длится. Если миграционный поток остановится, то частичная стабилизация ситуации и снятие остроты межэтнического напряжения произойдет примерно через 5 – 7 лет, а полная – в течение 2 – 3 поколений (30 – 50 лет).

7.2. Адаптация мигрантов в принимающее сообщество региона

7.2.1. Политика Российского государства в отношении трудовых мигрантов

Главная проблема современной миграционной ситуации как на Дальнем Востоке, так и России в целом состоит в том, что миграционные процессы и государственная политика, направленная на их регулирование, существуют параллельно, практически не пересекаясь. То есть воспроизводится довольно типичная для нашей страны ситуация, когда все заинтересованные стороны делают вид, что заняты решением важной общественной задачи, которая при этом никак не решается, либо разрешается независимо от их показной активности, а нередко ещё и усложняется.

Примером подобного «параллелизма» являются принятые не так давно к исполнению документы: Указ Президента Российской Федерации № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», подписанный В. В. Путиным 19 декабря 2012 г., и Распоряжение Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 1226-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2013 – 2015 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». В обоих документах сделан акцент преимущественно на развитии национальных (этнических) культур, защите прав национальных (этнических) меньшинств и совершенствовании управления национально-этническими отношениями в России. В то же время социально-экономические факторы межэтнических отношений упоминаются лишь вскользь, отчего возникает ощущение их второстепенности. Особенно это заметно на примере еще одного документа – «Комплексного плана действий по гармонизации межэтнических отношений на территории Хабаровского края в 2013 – 2014 гг.», утвержденного заместителем Председателя Правительства края по вопросам внутренней политики

В. В. Марценко 5 февраля 2013 г. В этом плане вообще нет ни одного пункта или мероприятия, направленного на решение социально-экономических проблем этнических групп, в том числе мигрантов.

Явный перекося в абстрактно-научную, правовую, культурно-массовую и декоративно-прикладную стороны решения национально-этнических проблем (как и производных от них проблем мигрантов) в России связан с двумя очевидными обстоятельствами. Во-первых, с опытом решения национальных проблем в СССР, который до сих пор многие считают успешным и который при относительном равенстве социально-экономического положения «социалистических наций и народностей» имел веские основания формироваться и реализовываться именно в культурно-этнографическом ключе. Во-вторых, это связано с тем, что проведение всевозможных фестивалей, дней культуры, выставок декоративно-прикладного искусства и т.п. организовать намного проще и отчитаться по ним легче, чем заниматься кропотливой и часто незаметной работой по решению социально-экономических проблем, имеющих этнический и/или миграционный компонент. Но именно эти проблемы эксплицитно или имплицитно оказываются в основе всех без исключения межэтнических конфликтов, порождают острую неприязнь к «понаехавшим», с большим трудом поддаются эффективному разрешению (что уж никак не определяется количеством проведенных фестивалей национальной культуры и дней дружбы народов). И именно поэтому им нужно уделять особое, первоочередное внимание.

В настоящее время уровень социально-экономической дифференциации населения России достиг критического уровня, который, по мнению большинства исследователей, чреват осложнением отношений между бедными и богатыми, руководителями и подчинёнными, жителями относительно благополучных районов и населённых пунктов и обитателями трущоб. Важной особенностью полиэтнической России в этом плане является то, что многие аспекты социально-экономического неравенства, имеющие общегражданский характер, интерпретируются политиками и ещё более журналистами в этнической терминологии, обостряя этим межнациональные отношения. То есть они находятся более в пространстве этнических мифов или стереотипов и могут быть преодолены путем грамотной коррекции этнополитического дискурса.

Ситуация с мигрантами, к сожалению, иного рода. Здесь мы имеем уже целый ряд объективных обстоятельств, порождающих и воспроизводящих социально-экономическое неравенство между ними и принимающим сообществом. Среди важнейших – социально-экономическая незащищённость, порождённая поражением в правах (как иностранных граждан или лиц без права на жительство), административный и предпринимательский произвол. При этом важной спецификой системы отношений

«мигранты – принимающее сообщество» является то, что эти отношения, также объективно не несущие в себе этнического компонента, очень часто субъективно эксплицируются именно в этнической терминологии, что закономерно приводит к эскалации межэтнической напряжённости в обществе и априорному отношению к мигрантам уже независимо от их реальной этнической принадлежности (хотя бы и русским) как к «чужим».

Вследствие этого как раз и происходит маргинализация и криминализация мигрантской среды, социальная эксклюзия мигрантов из принимающего сообщества и, как следствие, анклавизация/геттоизация стихийно возникающих этнических общин (концентрация в определённых районах/кварталах городов и самоизоляция, что давно отмечено в Москве и уже стало проявляться на Дальнем Востоке).

Отсюда возникают закономерные вопросы: 1) что нужно предпринять, чтобы нормализовать возникшую ситуацию? и, как очевидное продолжение, 2) каким мы хотим видеть в обозримом будущем наше российское общество с точки зрения характера межэтнических отношений в нём? На эти два взаимосвязанных вопроса однозначного ответа нет. К сожалению, не даёт на него чёткий ответ и подписанная президентом в декабре 2012 г. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации. Следствием этого как раз и является непоследовательность и половинчатость действий властей в отношении и регулирования межэтнических отношений, и групп мигрантов, которые самим фактом своего присутствия ещё более их обостряют.

При этом нужно различать три аспекта, часто очень по-разному преломляющие суть проблемы: общественную риторику, политические решения и практические действия. Как правило, общественная риторика грешит популизмом (что народ хочет, то политики и говорят). Политические решения часто противоречивы (декларируют одно, а в действительности направлены на другое). Повседневная практика прагматична (лица, работающие с мигрантами, поступают так, как им выгодно здесь и сейчас, игнорируя и общественное мнение, и букву закона).

Современная мировая практика знает, по крайней мере, четыре возможные модели решения проблем мигрантов в принимающем сообществе (и шире – малочисленных этносов в полиэтническом обществе) (табл. 4).

У каждой из этих моделей есть плюсы и минусы. Как очевидно, идеального способа решения межэтнических проблем и проблем, возникающих при появлении мигрантов, попросту не существует. Но выбор в пользу одной из них всё же необходим. Проблема в том, что и центральные, и региональные власти пока так и не определились, что они хотят получить, привлекая мигрантов. Очевидно одно: нынешняя миграционная ситуация связана не с локальными или постсоветскими, а глобальными цивилизационными процессами. «Отменить» её нельзя, закрыть границы и «не

пущать» политически опасно и экономически невыгодно. Если часть приезжающих в Россию людей из стран дальнего и ближнего зарубежья делают это исключительно для получения кратковременного заработка и не связывают с нашей страной свою дальнейшую судьбу, то многие (и таких делается всё больше) стремятся натурализоваться в ней и стать полноправными гражданами Российской Федерации. Если мы не хотим уже в обозримом будущем получить ситуацию, чреватую столкновениями на этнической, расовой или религиозной почве, то этим людям нужно помочь с минимальными потерями войти в состав региональных сообществ. Причём это двуединый процесс, который в равной мере предполагает целенаправленную работу как с мигрантами, так и с принимающим населением, которое должно быть готово адекватно реагировать на появление не очень-то жданных гостей.

Таблица 4

Модели решения проблем мигрантов в принимающем сообществе

Господствующий принцип	Механизм реализации	Конечный результат
Национализм	Адаптация в форме ассимиляции	Моноэтничность (все русские)
Мультикультурализм	Сегрегация (национально-культурная автономия)	Полиэтничность (все разные)
Интернационализм	Интеграция (аккультурация)	Постэтничность (супер-этнос – россияне)
Постнационализм (космополитизм)	Интеграция + адаптация	Pluribus unum (букв. «из многих в единое» или единство в многообразии)

Очевидна необходимость принятия конкретных мер, направленных, по меньшей мере, на стабилизацию миграционной ситуации в стране и её регионах. Важнейшей их частью как раз и является учет социально-экономических факторов, направленных на интеграцию мигрантов в принимающее сообщество региона/поселения. Как представляется, практическое обеспечение действия этих факторов уже сегодня вполне возможно на уровне компетенции региональных органов власти, городской/сельской администрации, локальных сообществ, а потому в принципе осуществимо.

Важнейшие социально-экономические факторы интеграции мигрантов в принимающее сообщество региона/поселения следующие:

1) *Преодоление стратификационной и профессиональной сегрегации по осям: русский/нерусский, местный/приезжий.* Данное явление имеет как объективные, так и субъективные основания. К первым можно отнести специфику социокультурного состава нынешних трудовых мигрантов,

которые в большинстве своём являются выходцами из сёл, как правило, не обладают высокой профессиональной квалификацией, слабо владеют русским языком. Это закономерно ставит их в невыгодное положение на рынке труда, что позволяет выполнять лишь самую примитивную, низкооплачиваемую работу. Вторые связаны с таким явлением, как этническая ксенофобия, которая специфическим образом проявляется и в отношениях «работодатель – работник». Следствием этого часто становится «отягощение» этнической стратификации классовым противостоянием в его марксистской трактовке («русские – богатые, узбеки – бедные»).

Возможные пути решения этой проблемы: открытие курсов по изучению русского языка для приезжих из других стран; курсов повышения профессиональной квалификации; строгий контроль за соблюдением условий и оплаты труда (особенно на частных предприятиях); ориентация на создание смешанных трудовых коллективов (бригад, звеньев и т.п.) из представителей русского/нерусского, местного/неместного населения.

2) *Преодоление анклавизации/геттоизации путём дисперсного расселения среди принимающего населения (на уровне районов города, кварталов, жилых домов, комнат в общежитии).* Само это явление также имеет две стороны: во-первых, естественное желание вновь прибывших мигрантов селиться рядом (а иногда и непосредственно вместе – в одном доме, одной квартире) с соотечественниками, говорящими на их родном языке, исповедующими ту же религию, имеющими те же бытовые привычки и пристрастия, что само по себе сводит к минимуму необходимость адаптации к принимающей социальной среде; во-вторых, недостаток, а зачастую и полное отсутствие денежных средств и нужных связей, которые позволили бы более оптимально решить жилищный вопрос. При наличии трудностей в приобретении жилья не только для мигрантов, но и принимающего населения, готовность многих приезжих жить в несоответствующих санитарным нормам помещениях воспринимается благожелательно теми чиновниками или работодателями, которые по закону должны обеспечивать им приемлемые жилищные условия. Следствием этого становится возникновение территорий (районов, кварталов, улиц, дворов), на которых складываются моноэтнические сообщества и из которых начинается откровенное «выдавливание» нежелательных соседей (те из них, которые имеют возможность, спешат переехать оттуда сами). Соответственно, усиливается противостояние «своих» и «чужих», резко замедляется процесс адаптации к принимающему сообществу (уже не говоря об интеграции в него), обостряется криминогенная ситуация (в таких местах живут по «своим» обычаям, у них «своя» система общественной безопасности, часто не имеющая никаких законных оснований, там заведомо презируют и ненавидят всех «чужаков»).

3) *Создание условий для включения в социальные сети принимающего населения.* Данная работа предполагает установление мигрантами деловых/соседских/товарищеских отношений в принимающей среде. В принципе, такие сети рано или поздно возникают спонтанно, но этот процесс может затянуться на годы и потому нуждается в специальном управлении. Именно социальные сети, по мнению социологов, успешно противостоят социальной и этнической сегрегации, оптимизируют социальный климат в обществе, способствуют неформальному и нередко более эффективному решению возникающих жизненных проблем.

4) *Проработка и создание «прозрачных» условий для принятия мигрантами российского гражданства* (если под интеграцией понимать в том числе натурализацию мигрантов). Данный фактор, эксплицитно имеющий сугубо политико-юридическую коннотацию, тем не менее имплицитно порождает такие социально-экономические явления, как коррупция, возможность получения качественного бесплатного профессионального образования, успешное трудоустройство, карьерный рост и т.п.

5) *Противодействие возникновению «этнических» коллективов во всех сферах экономической деятельности при одновременном создании условий для свободной культурно-национальной автономии в общественной и частной сферах* (клубы, общины, в том числе религиозные и т.д.). Об этом уже было сказано выше (см. пп. 1, 3). Здесь можно лишь отметить, что эффективное сочетание кроссэтнического общения на социетальном уровне при одновременной возможности сохранения и воспроизведения национальной культуры в частной/семейной сфере создаёт условия для максимального психологического комфорта, чувства социальной защищённости, обеспечивающих позитивный настрой, оптимизирующих существование регионального сообщества в целом.

6) *Обеспечение принципа социальной справедливости при распределении социально-экономических благ и ресурсов.* Специфика практической реализации данного принципа при всей его кажущейся очевидности наталкивается на трудно устранимое препятствие, связанное с тем, что понятие «социальная справедливость» характеризует субъективную оценку соответствия запросов и потребностей индивида его правам на их удовлетворение, которая часто не имеет фиксируемых объективных оснований. Следствием этого становится то, что одни люди удовлетворяются малым, другие считают себя обделёнными, хотя получают намного больше. Субъективное ощущение несправедливости многократно усиливается, если связывается претендентом на получение тех или иных благ с его социальным статусом, гражданством, национальностью, религиозной принадлежностью.

В заключение отметим, что все названные факторы, во-первых, в той или иной мере уже находят свою реализацию в социально-экономической практике современной России и её регионов; во-вторых, уровень их реали-

зации явно недостаточен; и, наконец, в-третьих, обеспечение оптимального уровня их практической реализации нуждается в тщательной проработке применительно к конкретному региону/поселению, специфике его этнического состава, характеру включённости мигрантов в локальный хозяйственно-экономический комплекс.

7.2.2. Специфика межэтнического и межконфессионального взаимодействия мигрантов на Дальнем Востоке России

Специфические характеристики Дальневосточного региона связаны с его геополитическим положением, историей его освоения и заселения. Удаленность Дальнего Востока от центральных регионов России, политических и культурных центров, определяющая роль государственной инициативы в ходе колонизации дальневосточных земель сформировали своеобразную структуру населения, для которого характерны следующие важные особенности:

- 1) полупринудительный порядок формирования;
- 2) неукорененность в регионе (исторически связано с областями центральной России);
- 3) предельное разнообразие в этническом и конфессиональном отношении;
- 4) концентрация преимущественно в городах.

Эти характеристики детерминируют качества, в целом упрощающие процесс коммуникации: отсутствие осознания территории проживания как «своей», размытость или отсутствие механизмов идентификации себя как представителя религиозной, этнической, семейной группы нивелируют восприятие дальневосточником «другого» как «чужого».

Это подтверждается результатами исследований, проводимых Центром изучения национальных конфликтов, которым в апреле 2014 г. совместно с федеральной экспертной сетью «Клуб регионов» была составлена Карта межэтнической напряженности в регионах России «Гроздь гнева». По данным этого Центра, Дальневосточный федеральный округ характеризуется средней и низкой степенью конфликтогенности.

Наиболее низким уровнем напряженности характеризуются Амурская область, Республика Саха (Якутия), Магаданская область и Чукотский автономный округ, Сахалинская область.

Вероятной причиной этого может быть значительный отток населения: по данным Центра научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина) за период с 2000 по 2009 г. Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ и Сахалинская область потеряли почти половину своего постоянного населения.

Низким уровнем напряженности характеризуется также Приморский и Камчатский края.

Наиболее проблемным выглядит Хабаровский край, который «покинул стабильную зону, но не перешел в зону риска». Хабаровский край, север которого практически не заселен, а коренное население во многом утратило собственную этнокультурную специфику, «обрусело», казалось бы, не должен быть зоной, чреватой конфликтами. Однако прогноз, данный аналитиками, «в краткосрочной и долгосрочной перспективе негативный». Председатель Хабаровского филиала Всероссийского политологического общества Л. Бляхер отмечает, что ситуация в крае может «подогреваться искусственно» для привлечения в край дополнительного финансирования.

Тем не менее и увеличение в целом числа мигрантов в крае очевидно. В свою очередь, соотношение числа внутренних и внешних мигрантов нуждается в тщательном анализе.

По данным И. А. Артемьевой, исследующей специфику демографической и миграционной ситуации на Дальнем Востоке России, число зарегистрированных мигрантов на территории Хабаровского края в 2012 г. увеличилось по сравнению с предшествующим годом на 28 %; около половины из них – граждане Китая, остальные – жители СНГ.

На территории Хабаровского края регистрацию получили 38 национальных общественных объединений, наиболее многочисленные из которых узбекская, корейская, азербайджанская, армянская, таджикская организации.

В Приморском крае соотношение приезжих иное: выходцев из СНГ больше, чем из Китая.

В целом, тенденция последних лет связана с увеличением доли трудовых мигрантов из бывших союзных республик и сокращением китайского миграционного потока. Учитывая демографический кризис и отток трудоспособного населения из региона, мы можем утверждать, что Дальний Восток России нуждается в трудовых мигрантах, число их будет расти.

Задачи адаптации мигрантов в регионе, снижения межэтнической напряженности в ближайшие годы потребуют радикального решения, главным элементом которого в условиях глобализирующегося мира является обучение эффективному межкультурному взаимодействию.

В полиэтничной и поликонфессиональной России проблема межкультурной коммуникации независимо от политической конъюнктуры и степени конфликтности конкретного региона может оказаться предельно актуальной. Шокирующим примером резкого обострения межнациональных отношений стал русско-украинский конфликт 2014 г., в результате которого люди, даже близкие родственники и давние друзья, оказались неспособными к диалогу в условиях различия точек зрения. Столь же неожиданной выглядит задача формирования культурной политики России, в основание которой положен принцип великорусскости и православия.

7.2.3. Проблемы коммуникации и адаптации трудовых мигрантов из республик Средней Азии и Кавказа

Как было сказано выше, политика в отношении мигрантов достаточно противоречива: государство заинтересовано в трудовых ресурсах, основной массой которых являются мигранты, однако не готово вкладывать средства в программы и социальные проекты, способствующие их адаптации; также возникают бюрократические препоны при получении ими рабочих виз и гражданства.

Общество относится к мигрантам в целом негативно, видит в них конкурентов на распределение благ: ресурсов, территории, рабочих мест. Факты подтверждают отсутствие подобной конкуренции, но миф об угрозе от приезжих формирует стереотипное восприятие, закреплённое в известном речевом штампе «понаехали тут».

Кроме того, большинство россиян готово мириться с приезжими лишь в том случае, если мигрант полностью откажется от своей идентичности, своеобразия своей культуры, включая одежду, язык, национальные традиции, даже невербальные средства общения.

Таким образом, на практике речь идет не об адаптации, а, скорее, об ассимиляции мигрантов.

Очевидно, что в этой ситуации продуманная политика государства необходима в отношении не только мигрантов, но и населения принимающей стороны.

Эта политика должна решать две задачи: 1) информировать об особенностях культурных стереотипов; 2) давать представление о различии в значениях и смыслах форм поведения. Кроме того, необходима программа психотренинга, позволяющая преодолеть страх перед инокультурностью. Основной целью такого тренинга должна стать подготовка к эффективно-му решению задач в условиях неприветливой и даже агрессивной социокультурной среды принимающей стороны, разрешению конфликтных ситуаций, формирование толерантного сознания и адекватного поведения в поликультурных и поликонфессиональных условиях.

Страхи и неудовлетворенность собственной жизнью, которые в большинстве случаев оказываются причиной агрессии, могут быть обусловлены целым рядом причин. Например, завышенными требованиями к жизни, стереотипами и предрассудками, формируемыми СМИ, предвзятым отношением к традициям иной культуры или низким уровнем жизни.

В связи с этим необходима система упражнений, тестов, занятий, знакомящих с культурой основных групп мигрантов на Дальнем Востоке: китайской, мусульманской (различные этнические варианты), культурой государств СНГ – кавказских, среднеазиатских.

Эффективным способом увеличения степени успешной адаптации к инокультурной среде, приспособления к коммуникативным требованиям новой культуры являются межкультурные тренинги, призванные способствовать нормальной адаптации на личностном уровне, устанавливать стабильные взаимоотношения с носителями местной культуры, продуктивно работать и учиться в новой социокультурной среде.

Главный акцент в тренинговых занятиях необходимо сделать на различное и общее в системе ценностей разных культур, на стереотипные модели поведения; необходимо обучать навыку восприятия конкретной ситуации глазами *другого*.

На тренингах для мигрантов должны решаться следующие задачи:

1) *Информационно-просветительская.*

В процессе работы мигранты знакомятся с основными социокультурными понятиями (толерантность, этноцентризм, этнические стереотипы, ксенофобия и др.), постигают механизмы возникновения национальных предрассудков в обыденном сознании и повседневной культуре. Важной составляющей здесь должно быть вооружение знаниями о культуре и религии принимающей страны, а также информирование о истории и культуре других народов.

2) *Практически-обучающая.*

Мигранты должны овладеть необходимым набором навыков эффективного межкультурного взаимодействия в повседневной практике, в игровой форме моделируя типовые ситуации, предполагающие взаимодействие с носителями культуры принимающего региона, а также поведенческие модели в конфликтной ситуации, агрессивной инокультурной среде.

3) *Аналитическая.*

В рамках тренингов выявляются, анализируются и прорабатываются личностные эмоциональные проблемы участников, возникающие в процессе межкультурного взаимодействия, вскрываются причины конфликтных ситуаций.

Общая характеристика тренинга.

Программа тренинга рассчитана на 20 ч. и количественный состав группы 10 – 30 чел.

Специальный тренинг имеет задачу показать различия между группой и отдельным человеком. Цель – сформировать представление о том, что социальная группа не может характеризоваться универсальными свойствами. Работа с мифом о национальном характере.

Тренинг, формирующий осмысленное отношение к сообщениям СМИ: анализ заголовков сообщений о правонарушениях. Выделить лексемы, обозначающие правонарушителей, обратить внимание на половозрастную и национальную характеристику.

Тренинг: сколько я знаю этносов в России на Дальнем Востоке.

Упражнение на знание религиозных характеристик: соотнести религию и этнос (цель – показать, что в основе непонимания не лежат различия в религиозных представлениях):

Ислам	Нанайцы
Христианство	Грузины
Православие	Азербайджанцы
Католицизм	Армяне
Шаманизм	Таджики
Протестантизм	Буряты
Конфуцианство	Чукчи
Даосизм	Якуты
Буддизм	Китайцы

Тренинг «Ценности» – нужно соотнести основную социокультурную ценность/норму/запрет и соответствующий ему этнос:

Не убий	Нанайцы
Не укради	Грузины
Не завидуй	Азербайджанцы
Не пей	Армяне
Не ешь рыбу	Таджики
Не ешь свинину	Буряты
Не ешь говядину	Чукчи
Не ешь себе подобного	Якуты
Ничье – значит твое	Китайцы

Известный российский исследователь межэтнических проблем и проблем мигрантов в России В. С. Малахов в ряде работ отмечает различия в статусе и положении внутренних и внешних мигрантов. Внешние мигранты, т.е. граждане других государств, проживающие на территории России, как правило, не больше года, имеют значительное количество культурных отличий от населения принимающей страны, не стремятся к тотальной интеграции в российское общество, защищены юридически (могут обратиться в посольство). Внутренние мигранты считают себя равными по статусу местному населению (являются гражданами России), имеют в силу общей истории много сходных представлений с россиянами-славянами.

Тренинг «Равенство перед законом». Условие: драка на бытовой почве, взаимные оскорбления, порча имущества. Куда обратиться за помощью?

1-й вариант: русский – армянин;

2-й вариант: русский – китаец;

3-й вариант: китаец – армянин;

4-й вариант: якут – китаец;

5-й вариант: кореец – таджик.

Выбрать из данного перечня: милиция, этническая община, семья, церковь, посольство, отдел защиты прав потребителей, суд, консульство, президент, друзья, криминал.

Определите этническую принадлежность:

Б. Окуджава Ю. Ким А. Пушкин В. Путин Ч. Айтматов Н. Гоголь А. Ахматова Ф. Достоевский А. Пугачева К. Арбакайте Шура Витас Мумий троль А. Солженицин С. Королев Ю. Гагарин Н. Саркози	
---	--

Что изменится, если Вы узнаете, что ваш прадедушка был: а) еврей; б) кореец; в) серб; г) итальянец?

Как вы отнесетесь к тому, что ваша дочь выйдет замуж за: а) китайца; б) араба; в) японца; г) негра; д) француза; е) якута?

Выберите подходящую пару для своей дочери (работа с картинками):

1) Слева – красивые представители монголоидной и негроидной рас, справа – некрасивые русские.

2) Те же, но с указанием на их профессиональную принадлежность и достаток.

Тренинг «Ситуация» предполагает моделирование повседневных поведенческих моделей, в которых мигранты могут испытывать трудности.

Первый уровень – он-лайн тестирование обучающегося с применением компьютера. Причём компьютерные программы целесообразно разработать в двух вариантах: для владеющих русским языком – только словесные ответы, для людей, плохо знающих язык – изображения с репликами.

Мигранту предполагается выбрать из предложенных вариантов не более двух ответов, после самостоятельной работы участника руководитель тренинга анализирует результаты, указывает на ошибки, даёт необхо-

димые фоновые знания. В процессе консультации необходимо выявить мотивы опрашиваемого при выборе ответа, указать предпочтительный вариант коммуникации и обосновать не рекомендованный вариант ответов.

Ситуация «Спросить дорогу».

1) К кому вы обратитесь?

- а) полицейскому;
- б) пожилой женщине;
- в) пожилому мужчине;
- г) молодой женщине;
- д) молодому мужчине;
- е) группе подростков.

2) Как вы привлечёте внимание человека (невербальные средства)?

- а) перегорожу дорогу;
- б) схвачу за рукав;
- в) поймаю взгляд и улыбнусь;
- г) осторожно коснусь плеча;
- д) хлопну по спине;
- е) протяну руку для рукопожатия.

3) Формулы обращения:

- а) уважаемый...;
- б) молодой человек/девушка;
- в) товарищ;
- г) господин/господин полицейский;
- д) будьте добры/извините;
- е) добрый день/вечер.

4) Формулировка просьбы:

- а) помогите мне пожалуйста;
- б) спасите меня;
- в) проводите меня;
- г) покажите мне дорогу;
- д) поймите мне, пожалуйста, такси;
- е) одолжите мне денег.

5) Что скажете о себе?

- а) обозначу свой статус (турист, студент, гость, рабочий);
- б) скажу о своём финансовом положении;
- в) назову свою национальность;
- г) расскажу о своей семье;
- д) скажу, откуда и когда я приехал;
- в) скажу, где живу.

б) В ситуации отказа (не знаю, тороплюсь, вас не понимаю, обратитесь к полицейскому):

- а) разозлюсь и обругаю;
- б) обижусь и уйду;
- в) извинюсь за беспокойство;
- г) толкну;

- д) обращусь к другому;
- е) попытаюсь задержать человека и объяснить подробнее.
- 7) Форма благодарности:
 - а) пожму руку;
 - б) заплачу за услугу;
 - в) скажу «спасибо»/«благодарю»;
 - г) обниму и поцелую;
 - д) обменяюсь номерами телефона.

Обучение и тестирование.

Анализ поведенческих моделей на материале русских мультфильмов.

Группе предлагается посмотреть мультипликационный фильм или фрагмент фильма и выявить нарушение принятых в обществе норм поведения. Можно предварительно предложить ряд вопросов: кто из героев ведёт себя неправильно и почему? Какие отклонения от нормативного поведения вы заметили? Какие фразы, произнесённые героем мультфильма, уместны в данной ситуации, а какие нет?

Например, мультфильм «Винни Пух идёт в гости».

Вопросы к обсуждению:

- 1) С какой целью Винни Пух идёт в гости?
- 2) Как принимает гостей Кролик? Почему автор утверждает, что Кролик очень воспитанный?
- 3) Почему Винни Пух задерживается в гостях у Кролика?
- 4) Правильно ли ведёт себя Пятачок?

Мультфильм «Просто так».

Вопросы к обсуждению:

- 1) Какие мотивы поступков каждого из героев (Мальчика, Ослика, Щенка, Медвежонка)?
- 2) Почему Щенок прячется от Ослика?
- 3) Проанализируйте поэтапно поведение Медвежонка.

Занятия в группе.

Используются такие варианты работы, как ролевая игра, творческие задания, группы поддержки.

Первый этап – организационный: создание психологической комфортности в группе, знакомство участников друг с другом.

Второй этап – ролевые игры, призванные смоделировать типичную ситуацию повседневной практики.

Типовые роли:

- 1) Иностранец, заблудившийся в чужом городе.
- 2) Полицейский.
- 3) Местный житель, который хочет помочь.
- 4) Местный житель, который не хочет помочь.
- 5) Местный житель, который не может помочь.

- 6) Приезжий.
- 7) Аферист/бандит.

Задание: выбрать стратегию поведения (оказать помощь, обмануть с целью грабежа, отказать в помощи вежливо/грубо), сформулировать необходимые фразы, продумать невербальные средства, реагировать на изменяющуюся ситуацию.

Анализ ситуации, критерии оценки задания:

- 1) Удалось ли достичь цели?
- 2) Убедительность поведения.
- 3) Правильность использованной лексики.
- 4) Органичность и естественность поведения.
- 5) Понимание мотивов поведения собеседника.

Функции координатора:

1) Раздать роли и объяснить задачи. Особое внимание следует уделить разъяснению различных стратегий ролевого поведения и способам невербального общения (мимика, жесты, поза, интонация и т.д.).

2) Выявить и проанализировать ошибки в выполнении задания, сообщить необходимую информацию.

Тренинг на знание традиций и обычаев русской культуры.

Предложено несколько картинок.

Какой костюм вы выберете для похода в театр, для занятий в университете?

Какой подарок вы выберете, отправляясь в гости; на свадьбу; на встречу с девушкой; на панихиду?

Какую фразу необходимо произнести, садясь за общий стол; чихнув; встретив человек после бани? (Варианты ответа: извините, на здоровье, добро пожаловать, с лёгким паром, я очень голоден, не бойтесь, я не заразен).

Какой жест уместен в ситуации приветствия с приятелем; знакомства двух мужчин; приветствия мужчиной женщины? (Варианты ответа: рукопожатие, поцелуй, похлопывание по плечу, подмигивание).

Эти и подобные им тесты и игровые ситуации призваны преодолеть психологический барьер для общения между представителями разных культур и конфессий. Остается лишь сделать так, чтобы такие психологические тренинги вошли в практику адаптационной работы с мигрантами и конфликтными группами принимающего населения, прежде всего, молодежью.

7.2.4. Проблемы российско-китайской коммуникации и адаптации китайцев на Дальнем Востоке России

Взаимодействие русских и китайцев на Дальнем Востоке можно условно разделить на три неравных направления/вектора:

- 1) коммерция;
- 2) обучение и стажировка;

3) туризм и культурные контакты.

Адаптационные проблемы мигрантов менее всего затрагивают две последние страты: пребывающие в недлительных стажировках, путешествующие в туристических группах или прибывающие к составу делегаций китайцы не испытывают со стороны принимающего населения агрессии или неприязни, имеют возможность пользоваться помощью руководителей групп, кураторов и организаторов их поездок. Иная ситуация складывается среди длительно пребывающих на территории России китайских граждан, занимающихся коммерцией.

Самая значительная часть мигрантов приезжает в Россию с коммерческими целями. Поток торгующих на русских рынках китайцев стремительно рос в конце 1990-х гг., затем уменьшился и стабилизировался к 2010-м гг. Большинство таких мигрантов – продавцы ширпотреба, члены подпольных коммерческих предприятий, мелкие и средние предприниматели, которые характеризуются невысоким уровнем образования и культуры. Исследователь А. Ларин, анализируя количественный и качественный состав китайских мигрантов, пришел к выводу, что основная их масса приезжает в Россию из провинции Хэйлунцзян, а также двух соседних провинций Северо-Востока Китая: в целом в России их 60 %, а на Дальнем Востоке – 91 %.

Вторую значительную группу мигрантов из Китая составляют студенты. Обучение в России для китайской молодежи в последнее десятилетие становится чрезвычайно популярным; имеющие российский диплом специалисты, вернувшись на родину, без труда находят место работы, особенно в производственных сферах; правительство Китайской народной республики материально и морально стимулирует выпускников российских вузов, предоставляя им льготы при трудоустройстве. И хотя среди молодежи по-прежнему приоритетными остаются старейшие вузы Москвы и Санкт-Петербурга, процент обучающихся иностранцев в вузах Дальнего Востока с каждым годом возрастает.

В этой социокультурной среде главным препятствием к адаптации в новой культуре является разница в системе обучения, также возникают трудности в бытовой сфере. М. А. Иванова, проанализировавшая социально-психологическую адаптацию иностранных студентов в высшей школе, пришла к выводу, что «для студентов из Восточной и Юго-Восточной Азии характерны высокая нравственность и хорошее поведение; высокий уровень самоконтроля; замкнутость, неконтактность; спокойное восприятие перемен; контроль эмоций, дисциплинированность; наблюдение за своей репутацией».

Вместе с тем китайские учащиеся и студенты, оказавшись в инокультурной среде, оказываются в состоянии национального диссонанса: с соотечественниками они находятся в рамках родной культуры, а среди

россиян стараются приспособиться к требованиям повседневной русской культуры, при этом не всегда правильно определяя социальные роли, не зная контекста бытовых ситуаций, неправильно трактуя подтекст чужого языка. Поэтому М. А. Иванова даёт следующие рекомендации по оптимизации стилей педагогического общения для данной категории студентов:

- 1) не бояться обсуждения сложных вопросов дисциплины;
- 2) задавать вопросы для размышления;
- 3) активно использовать в обучении самостоятельные виды работ;
- 4) использовать морально-этическую мотивацию, особенно мотивацию личных достижений.

Пестрота социального, возрастного состава китайских мигрантов, разница в их целевых установках обуславливает различную степень скорости/качества приспособления их к инокультурной среде. В процессе адаптации возникают различные барьеры:

- эмоционально-психологические, связанные с индивидуальными характеристиками личности;
- национально-культурные, определяющиеся отличиями культур;
- мировоззренческие, обусловленные ценностными и нормативными различиями;
- ситуативные, связанные с поведенческими моделями.

Эффективным способом увеличения степени успешной адаптации к инокультурной среде, приспособления к коммуникативным требованиям новой культуры являются межкультурные тренинги, призванные способствовать нормальной адаптации на личностном уровне, устанавливать стабильные взаимоотношения с носителями местной культуры, продуктивно работать и учиться в новой социокультурной среде, основные принципы организации которых были изложены выше.

Мигранты овладевают необходимыми навыкам эффективной межэтнической коммуникации в повседневной практике, в игровой форме моделируя типовые ситуации, предполагающие взаимодействие с носителями культуры принимающего региона.

Ожидаемые результаты участия в тренинге:

- формирование представлений об этнических стереотипах, расовой и этнической дискриминации, а также механизмах их возникновения и закрепления в сознании и общественной практике;
- осознание роли этнической толерантности в поддержании как социальной стабильности, так и целостности личностной идентичности;
- развитие навыков эффективного взаимодействия с представителями других этнокультурных общностей;
- повышение сензитивности к проявлениям этнической и расовой дискриминации в различных сферах общественной жизни;

- сознание и принятие собственных этнокультурно обусловленных психологических качеств;
- формирование более позитивной этнической идентичности;
- сплочение группы, улучшение межличностных отношений участников, повышение взаимопонимания и терпимости;
- развитие творческого потенциала участников группы.

7.3. Этноконфессиональные взаимодействия на Дальнем Востоке России (от автономности к сотрудничеству)

7.3.1. Этноконфессиональные взаимодействия в России: современное состояние и перспективы

В современном мире, и в России в том числе, задача формирования этноконфессионального взаимодействия имеет сугубо практический смысл, поскольку от ее решения зависят судьбы миллионов людей, мир или война с ближайшими соседями.

Главная проблема здесь заключается в том, что каждая из религий претендует на тотальное объяснение мира и всецелое овладение всеми сторонами жизни человека, но при этом человечество тысячелетиями остается неоднородным, с разными верованиями. И в итоге различие религий, призванных дать мир душам и объединить людей, сталкивает людей друг с другом (как минимум – в идейных спорах, как максимум – в межрелигиозных войнах).

Уникальность современного исторического момента состоит в том, что сегодня при стремительном развитии глобализации все процессы (как позитивные, так и негативные) резко наращивают темпы и действуют в масштабах планеты. И хотя Россия в эти процессы включилась с некоторым опозданием – на рубеже XX – XXI вв., – они коснулись ее в полной мере.

Застигнутые врасплох переменами рубежа XX – XXI вв., многие чиновники (при отсутствии государственной идеологии в постсоветской России), православное духовенство РПЦ и даже часть мусульманских деятелей стали публично утверждать, что «Россия уникальна тем, что никогда не знала войн, вызванных религиозным противостоянием». Однако достаточно заглянуть даже в школьные учебники истории, чтобы убедиться в обратном: межрелигиозные войны не обошли стороной Россию в прошлом, и задача состоит в том, чтобы их не было в будущем.

До сих пор в современной России этноконфессиональное взаимодействие чаще декларируется как некое пожелание, нежели реализуется на практике. До самого последнего времени ни одна религиозная конфессия России не вступила в контакт с шаманизмом коренных народов Севера; диалог православия и ислама ограничен лишь структурами РПЦ и тремя

официальными «муфтиятами» (Советом муфтиев России (СМР), Центральным духовным управлением мусульман (ЦДУМ) и Координационным центром мусульман Северного Кавказа (КЦМСК)) но и он имеет спорадический и протоколно-декларативный характер. Опыт богословских собеседований имеется лишь между Московским Патриархатом и шиитскими аятоллами Ирана.

Более того, практически отсутствует взаимодействие и между христианскими общинами, например, РПЦ (как наследницей «никонианства») и различными течениями старообрядчества, не говоря уже о протестантизме и разнообразных христианских сектах.

Отголоски религиозных войн прошлого дают о себе знать и сегодня. Так, в начале XXI в. все ставшие независимыми от России бывшие республики СССР стремятся переориентировать находящиеся на их землях православные общины от подчинения Московскому патриархату к подчинению Румынскому или Константинопольскому, создать автономные, автокефальные церкви. В свою очередь, РПЦ крайне болезненно отнеслась к восстановлению бывших до 1917 г. в России структур католической церкви, заморозила контакты с Ватиканом и даже повлияла на развитие дипломатии МИД РФ с Ватиканом как государством, добились вытеснения с ведущих позиций священников польского и белорусского происхождения, дабы утвердить имидж католичества в России как сугубо западноевропейского религиозного меньшинства. Этноконфессиональное взаимодействие российского православия с католичеством в России сведено к минимуму, пережило в конце 1990 – начале 2000-х гг. почти полную паузу и частично разморожено лишь в последние годы. Главы этих церквей, враждующие с 1054 г., не желают даже формальной личной встречи до сих пор.

С 1990-х гг. усиливается консервативно-антиэкуменическая группа внутри РПЦ, и диалог с католиками, а тем более с протестантами сведен к дипломатически терпимому минимуму. «Католики восточного обряда», как называют российских католиков, вообще пребывают вне дипломатического поля и даже самим фактом своего существования оказываются препятствием для диалога РПЦ с Ватиканом. В проповедях и официальных публичных выступлениях церковных глав современного российского православия всё резче звучит осуждение «католической экспансии» и «сектантской пропаганды» в России, причем доктринально под «сектантами» подразумеваются все протестанты.

Православное лобби добилось в 1997 г. принятия в законодательство Российской Федерации антиконституционного и ненаучного упоминания о «четырех традиционных религиях», получивших фактически статус приближенных к государству и получающих преференции. Это *православие* (причем, исключительно РПЦ без участия старообрядчества и автономных церквей), *ислам* (в составе названных выше суннитских СМР, ЦДУМ и

КЦМСК), иудаизм и буддизм. Из числа «привилегированных» конфессий исключены католики, все протестантские деноминации, шаманисты, индуисты, шииты и прочие официально зарегистрированные в России религиозные общины. Под эту концепцию был построен и Межрелигиозный Совет России (МСР), недекларированной целью которого было сделать патриархию «старшим братом» трех остальных «традиционных» конфессий и посредником перед государством. Но эта модель не сработала, встретив сопротивление мусульман и критику всех остальных «недопущенных» конфессий.

Следствием этого стало фактическое доминирование РПЦ в государственной религиозной политике, установление личных контактов иерархов с чиновниками, позволяющее им быстро и взаимовыгодно решать все вопросы, держать финансовую сферу РПЦ в тени, проводить через нее любые операции, неформально принуждать бизнесменов (включая неправославных) спонсировать реставрацию и строительство храмов и монастырей. По сути, под лозунгами «духовного возрождения» сложилась небывалая ранее в истории оригинальная конфигурация, где коррупция смешана с искренним желанием патриотического служения, ущемляются права непатриархийных движений православия и тем более иных религий.

Особое место в этноконфессиональных взаимодействиях в России принадлежит православию и иудаизму. Начиная еще с XVI в. Россия разделяла общий со всеми европейцами антииудейско-антиеврейский комплекс (неверно именуемый «антисемитизмом»). Неравноправие евреев-иудеев, «черта оседлости», принуждение к принятию христианства, антиеврейские процессы, публицистика, царские указы и наконец погромы – известные реалии отечественной истории. Несправедливость в отношении иудеев, накопленная с XVIII в., спровоцировала, с одной стороны, зарождение различных форм сионизма (как светского, так и религиозного), с другой стороны, отход активной части еврейской молодежи от иудаизма и принятие самых радикальных форм атеизма и революционной идеологии.

«Еврейский фактор» остался проблемным и для советской власти. И. В. Сталин поддержал создание этнически и религиозно унитарного «государства Израиль», а накануне своей кончины готовил крупную «чистку», по сути, новое гонение на евреев (в данном случае более по национальному, чем религиозному признаку). Распаду СССР также предшествовала активность «израильского лобби», миллионы советских евреев стали гражданами страны, ведущей перманентную войну против палестинцев-мусульман.

К сожалению, приходится признать, что после 70 лет советского времени, когда гонениям в большей или меньшей степени подвергались все религиозные конфессии СССР при господстве идеологии интернационализма, наступило время, когда религиозная карта стала использоваться

для стравливания автохтонных этносов России по признаку разделения на христиан и мусульман. Одним из самых горьких отголосков этого явления стали войны в Чечне и в иных регионах Северного Кавказа. Сегодня эта же карта используется для обострения отношений между мигрантами из Средней Азии (преимущественно мусульманами) и россиянами (преимущественно православными).

Следствием всего этого стало то, что в XXI в. Россия вступила с тяжелейшим грузом нерешенных и накопившихся за столетия межконфессиональных проблем. Представители государства и РПЦ, фактически добившейся статуса «государственной конфессии», замалчивают факты межрелигиозного противостояния, не ставят вопроса о его разрешении, загоняя тем самым вглубь давнее межконфессиональное противостояние.

У Российского государства нет до сих пор собственного органа по регулированию государственно/общественно-конфессиональных отношений (типа министерства или совета); толком не сформулирована конфессиональная (и близкая ей этнонациональная) политика; также нет и министерства по делам национальностей (в стране со 140 нациями).

В жизнь входит лоббируемая Московским Патриархатом РПЦ практика «клерикализации»: государственная символика вместе только с православной, внедрение в светские школы церковных предметов, обрядов и священников в армию и правоохранительные органы, теневая церковная экономика и волонтеризм, включая рейдерские захваты, вытеснение государственных музеев, борьба с «сектантами», антиконституционная концепция «четырех традиционных религий». Реализуя свои «Русские проекты», «Сергиевские проекты», объективно РПЦ возвращает «Россию, которую мы потеряли», со всеми болезненными и взрывоопасными тенденциями, вызвавшими духовные и социальные катаклизмы 1917 – 1991 гг.

Этноконфессиональное взаимодействие, которое вели официальные религиозные деятели в советское время под началом КПСС, сегодня переформатировано и резко снижено. Действенных электронных СМИ (телевидения и радиоканалов) нет ни у одной конфессии России, кроме РПЦ. Во всех конфессиях отсутствуют специалисты, полностью посвятившие себя изучению, проведению и подготовке кадров для этноконфессионального взаимодействия, которое и между «традиционными конфессиями» ведется нерегулярно, только на уровне первых лиц, без вовлечения молодежи и широких масс верующих, без поддержки конфессиональных СМИ и тем более светской прессы, протокольно и формально. По сути, оно не играет никакой роли в жизни верующих и остается уделом «церковной дипломатии».

В 2000-е и последующие годы на эту ситуацию все более влияют глобализация и демографический кризис в России, которые вызывают потребность в миллионных мигрантских потоках. Среди гастарбайтеров лидируют выходцы из стран исламской и китайской культур. Этноконфес-

сиональный аспект смены пропорций в демографии в сторону неславянских и неправославных народов осознан экспертами, но реальной работы с этой растущей группой пока не ведется.

В этой ситуации огромная роль принадлежит межкультурному и этноконфессиональному взаимодействию между православием и исламом, которое в последние годы сходит на нет. Более того, в противоречии с заявленным протокольным миролюбием Московский Патриарх благословляет регулярные исламофобские проекты, не пресекает разворачивающийся в «народном православии» антиисламско-античеченский «культ солдата Родионова». Разрабатываемые под эгидой Патриархии проекты спасения страны, называемые «русскими, сергиевскими или евразийскими», исключают исламский фактор, очевидно, как негатив. Все сильнее звучит голос консервативных кругов, заявляющих, что у мусульман и христиан «не один Бог, Аллах – это лишь бог мусульман».

Однако нужно отметить, что РПЦ хотя бы пытается вступать во взаимодействие с исламом, в то время как старообрядцы, сторонники автокефальных, истинно православных и прочих ветвей этой темы избегают вообще. Со стороны мусульман также проявляют готовность к взаимодействию с другими религиозными конфессиями только структуры суннитских СМР, ЦДУМ и КЦМСК, но в нем не участвуют шииты России.

Дело это очень сложное и требующее высот дипломатии. К примеру, в вопросе об отношении православия к исламу некорректно неправославным гражданам призывать РПЦ копировать опыт католиков или реформаторов, но и мусульмане, и гражданское общество России вправе ожидать смены средневекового «языка вражды» на продуманную концепцию, позволяющую жить в мире. А мира на практике не будет до тех пор, пока в головах останутся без изменений средневековые формулы.

7.3.2. Этноконфессиональное взаимодействие на Дальнем Востоке России

Для Дальнего Востока, как части России, характерны всё те же явления и процессы в сфере этноконфессиональных взаимодействий, что и для всей страны в целом. Тем не менее можно выделить ряд особенностей, специфичных именно для этого региона. Прежде всего, Дальний Восток, в отличие от ряда других регионов России, характеризуется полиэтничностью и непосредственно связанным с ней этноконфессионализмом.

Переплетение этнических и религиозных факторов во многом обуславливает характер и специфику религиозной ситуации в этом регионе. Функционирование этнических религий (иудаизм, синтоизм и др.) на практике зачастую приводит к отождествлению этнической и религиозной принадлежности. Так, действующие в регионе еврейские организации

нередко именуется иудейскими, а иудейские общины или, скажем, праздники – еврейскими, ислам в общественном сознании тоже часто рассматривается как признак определенных этносов (узбекского, чеченского и др.).

Вместе с тем абсолютное большинство религиозных объединений на Дальнем Востоке многонационально. Даже в Чегдомынской общине евангельских-христиан баптистов (ЕХБ) кроме немцев всегда были представлены и другие народы. Здесь сказываются и результаты миссионерской деятельности, и интернационализация различных сфер бытия.

Географическое положение российского Дальнего Востока способствовало формированию поликонфессиональности в противовес этноконфессиональности. Соседство с такими странами, как США, Южная Корея, Япония и др., облегчало проникновение в наш регион протестантизма в различных формах (баптизм, адвентизм, иеговизм, пресвитерианство и т.п.), а также буддизма, кришнаизма, Агни Йоги и прочих неизвестных ранее конфессий. РПЦ по причине традиционной слабости не могла оказать должного противодействия «иноземным» конфессиям.

В целом, религиозная ситуация в регионе стабильна. Как утверждают авторы учебного пособия, написанного преподавателями Тихоокеанского государственного университета «Религиозный фактор на Дальнем Востоке»: «Передел конфессионального пространства в основном завершился, хотя и не всегда в пользу РПЦ. Так, в Хабаровском крае в начале XXI в. протестантских объединений оказалось в 5,5 раза больше, чем православных. Аналогичная картина наблюдается и в Приморском крае. Объясняется это тем, что протестанты имели более солидную финансовую базу, зарубежных спонсоров, богатый миссионерский опыт, подготовленных проповедников и т.д. Всего этого как раз и не хватало РПЦ»³⁰.

Специфику религиозной ситуации на Дальнем Востоке определило также «взрывное», в силу известных причин, увеличение численности верующих и религиозных объединений. Так, еще в середине 1980-х гг. в ряде краев и областей региона было около двадцати религиозных организаций, в Якутии, на Сахалине – вообще единицы, а на Камчатке – ни одной. Ныне в Республике Саха (Якутия) около 110 религиозных объединений, в Приморском крае – более 600, в Хабаровском – около 370, в Амурской области – более 160, на Камчатке – около 80, на Сахалине – около 140, в ЕАО – около 30. Следует пояснить, что точные цифры указать весьма затруднительно, т.к. десятки общин действуют без регистрации, многие объединения считают себя не религиозными (хотя, по сути, являются таковыми), а национальными (этническими), культурными, просветительскими и т.д. Есть основания полагать, что «взрывная» динамика исчерпала себя и

³⁰ См.: Религиозный фактор на Дальнем Востоке: учебные материалы по регионоведению / кафедра истории Отечества, государства и права ТОГУ. URL: http://old09403.khstu.ru/studentsbooks/region/regucheb/material_k_exz/gl5.htm#ч4.

в обозримом будущем не произойдет значительного увеличения численности религиозных объединений. Сокращения последних, впрочем, также не предвидится³¹.

За последние два десятилетия увеличилась доля верующих среди населения региона. Однако, как показывают различного рода опросы, активно верующие люди составляют 17 – 20 % населения. При этом многих привлекает лишь обрядность, религиозная атрибутика и т.п. Процент «воцерковленных», т.е. верующих, систематически посещающих культовые здания и соблюдающих догматы и обряды, не превышает 3 % населения³².

Абсолютное большинство верующих и служителей различных культов законопослушны, стоят на гражданских и патриотических позициях, активно участвуют в общественной жизни, работают с детьми и т.п. Правда, иногда трудно определить, чего же больше, скажем, в работе с детьми некоторых протестантских организаций – миссионерских устремлений или попыток сформировать полноценных граждан России. За активную жизненную позицию, заметный вклад в возрождение духовно-нравственных традиций, благотворительную деятельность ряд служителей религиозных культов отмечены государственными наградами. Орденами и медалями Российской Федерации награждены управляющий Хабаровской и Приамурской епархии РПЦ архиепископ Марк, протоиерей Олег, монахиня Архелая, старший пресвитер объединения ЕХБ Г. И. Абрамов и др.

Вместе с тем деятельность некоторых религиозных объединений (свидетели Иеговы, Ананда Марг, сатанисты) не всегда вписывается в рамки соответствующих законов и инструкций. «Нередко зарубежные миссионеры ведут активную проповедническую и миссионерскую деятельность за пределами религиозных организаций, что не предусмотрено законом. Несколько лет назад чукотские баптисты «педалировали» лозунг «Русские – вон с Чукотки». Здесь, очевидно, не обошлось без участия зарубежных структур. Есть и такие религиозные объединения, которые возглавляются лицами полукриминального толка. Ряд протестантских организаций с нарушением должных правил, в том числе и санитарно-гигиенических, организуют летние детские лагеря (по аналогии с пионерскими), в которых основное место занимает обучение религии»³³.

В этой связи с особой актуальностью стоят вопросы разъяснения и пропаганды принципов свободы совести, исполнения законодательства о религиозных культах, совершенствования правоприменительной практики, объединения усилий как верующих, так и неверующих в решении созидательных задач.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

До сих пор остро стоит вопрос о взаимодействии между религиозными конфессиями для решения как чисто религиозных, так и гражданских задач. Пока приходится констатировать, что духовные лидеры православия, ислама, иудаизма и всех остальных конфессий, представленных в регионе, встречаются исключительно за столом президиума на различных праздничных мероприятиях общественно-политического толка. Однако становится все более очевидно, что в современной этнополитической ситуации, в которой оказалась Россия и ее Дальний Восток, без устойчивых, институционализированных и доброжелательных взаимодействий между конфессиями об этническом мире и сотрудничестве в регионе останется только мечтать.

Выводы по теме

1) Межкультурная напряженность на Дальнем Востоке России связана с рядом социокультурных и социально-экономических факторов: уровнем доступности услуг здравоохранения; включенностью в социальные сети региона; уровнем и качеством жизни; востребованностью на рынке труда и т.д.

2) Особенностью действия данных факторов в сфере межкультурных отношений является то, что они характеризуют не столько реальное соотношение разных национальностей в социальной стратификации общества, сколько устойчивое общественное мнение о доминировании одних национальностей и дискриминации других (т.е. социальные мифы).

3) Специфика межкультурных взаимодействий на Дальнем Востоке России определяется моноцентрическим типом расселения с преобладанием этнических русских; доминирующей ролью промышленности в экономике региона; этническим разделением труда; значительным преобладанием в составе мигрантов выходцев из республик Средней Азии и Китая.

4) Значительное и все возрастающее число мигрантов на Дальнем Востоке России вызывает рост межэтнической и межконфессиональной напряженности, которая с трудом поддается коррекции со стороны государственных учреждений и общественных организаций, работающих с мигрантами.

5) Существует четыре модели решения проблем мигрантов в принимающем сообществе (национализм, мультикультурализм, интернационализм и постнационализм (космополитизм)), каждая из которых имеет плюсы и минусы. Проблема состоит в том, что и центральные, и региональные власти пока так и не определились, что они хотят в конце концов получить, привлекая мигрантов.

6) Важнейшими факторами интеграции мигрантов в принимающее сообщество региона/поселения являются: преодоление стратификационной

и профессиональной сегрегации; преодоление анклавизации/геттоизации; создание условий для включения в социальные сети принимающего населения; создание «прозрачных» условий для принятия мигрантами российского гражданства; противодействие возникновению «этнических» коллективов; обеспечение принципа социальной справедливости.

7) Важными особенностями населения Дальневосточного региона являются: полупринудительный порядок формирования; неукорененность в регионе (исторически связано с областями центральной России); предельное разнообразие в этническом и конфессиональном отношении; концентрация преимущественно в городах.

8) Этноконфессиональные взаимодействия на Дальнем Востоке России характеризуются всеми теми же явлениями и процессами, что и во всей стране в целом. При этом существуют особенности, специфицирующие его. Прежде всего, это поликонфессиональность, которая лишь в последнее время стала приобретать этнический компонент.

9) Следствием индифферентности большинства населения к религии в советское время стало широкое распространение неправославных и нехристианских культов. При общем преобладании в числе верующих приверженцев православия число неправославных религиозных общин многократно превышает православные.

10) При том что этноконфессиональная ситуация на Дальнем Востоке России остается стабильной, до сих пор остро стоит вопрос о взаимодействии между религиозными конфессиями для решения как чисто религиозных, так и гражданских задач.

Вопросы и задания

1) Какие факторы, на Ваш взгляд, оказывают наиболее заметное влияние на рост межэтнической напряженности на Дальнем Востоке?

2) Насколько реально в современных условиях достижение межкультурного согласия между разными этническими и конфессиональными группами в России, на Дальнем Востоке?

3) Насколько политика современной российской власти соответствует тем задачам, которые стоят в сфере социальной адаптации мигрантов в принимающем сообществе?

4) В чем Вы видите специфику социальной адаптации мигрантов из Средней Азии, Китая, Северного Кавказа и Закавказья, мусульман, представителей других этносов и религиозных конфессий?

5) Какие формы тренингов с целью адаптации мигрантов к реалиям современного российского общества Вы бы предложили в добавок к тем, которые изложены в данном пособии?

б) Есть ли перспектива достижения согласия и устойчивых взаимодействий между различными религиозными конфессиями, представленными на Дальнем Востоке России? Обоснуйте свою точку зрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этноконфессиональная ситуация и межкультурные взаимодействия на Дальнем Востоке России, заметно обострившиеся в начале XXI в., поставили задачу организации систематической работы по их нормализации на политическом и социокультурном уровнях. Последней задаче как раз служит данное учебное пособие. Понимание сложности такой работы, на наш взгляд, должно основываться как на теоретических положениях, так и на знании текущей ситуации в России в целом, на ее Дальнем Востоке, в регионе непосредственного проживания (крае, области, поселении).

Изученный Вами материал учебного пособия нацелен на формирование системы взглядов на динамику и наиболее острые проблемы в сфере межэтнических отношений в регионе и непосредственно связанных с ними этноконфессиональных взаимодействий.

Вместе с тем нельзя считать, что данное пособие полностью закрывает тему. Этнополитическая и этнокультурная ситуации на Дальнем Востоке динамично развиваются, что требует от каждого ее участника, а особенно субъекта управления (государственного служащего, педагога, психолога и т.д.), постоянной работы по пополнению как теоретических знаний, так и практического опыта. Последнему может послужить работа с литературой, предложенной нами в библиографическом списке.

Хочется верить, что данное учебное пособие сослужит хорошую службу и будет способствовать организации эффективной работы в регионе по нормализации межкультурных отношений и этноконфессиональных взаимодействий на всех уровнях: от межличностного до международного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аванесов, С. С. Ислам в контексте межкультурной коммуникации / С. С. Аванесов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 4. – С. 64-74.
2. Бредникова, О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов / О. Бредникова, О. Паченков. – Режим доступа : http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_bred.htm.
3. Брубейкер, Р. Дж. Этничность без групп / Р. Дж. Брубейкер. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. – 408 с.
4. Завалишин, А. Ю. Социальное меньшинство: объективация через дискурс / А. Ю. Завалишин // DIXI – 2012: идеи, гипотезы, открытия в

социально-гуманитарных исследованиях. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2012. – С. 143-159.

5. Завалишин, А. Ю. Студенческая молодежь Дальнего Востока: между этнической толерантностью и экстремизмом / А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4. – С. 83-94.

6. Зиятдинова, Ю. Н. Развитие межкультурной коммуникативной компетенции в системе высшего профессионального образования Китая: исторический экскурс / Ю. Н. Зиятдинова, Р. С. Валеева, А. А. Сулейманова // Карельский научный журнал. – 2014. – № 1. – С. 66-68.

7. Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Выпуск четвертый. Этнические контакты. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2001. – 483 с.

8. Ишаев, В. И. Особый район России / В. И. Ишаев. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1998. – 270 с.

9. Кондина, А. С. Опыт проведения практических занятий тренинга межкультурной коммуникации по формированию навыков межкультурного общения с участниками краткосрочных образовательных международных программ / А. С. Кондина // Омский научный вестник. Общество. История. Современность. – 2013. – № 4(121). – С. 148-151.

10. Костюрина, Н. Ю. Рецензия на монографию В. С. Малахова «Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций» / Н. Ю. Костюрина // Ученые Записки КНАГТУ. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2014. – № 1-2(17). – С. 115-117.

11. Кузнецов, И. М. Формирование этнических ниш в российской экономике / И. М. Кузнецов, В. И. Мукомель. – Режим доступа : http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/im_k_uzneso.html.

12. Поликультурное пространство РФ. В 7 т. Т. 1. Культура Дальнего Востока России / отв. ред. Н. А. Кривич. – СПб. : ИД «Петрополис», 2012. – 232 с.

13. Куприянова, В. И. Формирование толерантности и профилактика экстремизма в контексте государственной национальной политики: региональный аспект / В. И. Куприянова. – Режим доступа : <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://dvags.ru/download/rio/j2010-3/21.doc>.

14. Левин, М. И. Экономические аспекты ксенофобии / М. И. Левин, Н. В. Шилова. – Режим доступа : http://finbiz.spb.ru/download/4_2009_lev_shil.pdf.

15. Малахов, В. С. Слово «русский» окончательно и бесповоротно этнизировано / В. С. Малахов. – Режим доступа : <https://www.facebook.com/index.php>.

16. Малахов, В. С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России : рабочая тетрадь / В. С. Малахов. – М. : Спецкнига, 2014. – 24 с.
17. Миндогулов, В. В. Воспроизводство, занятость и миграция населения Хабаровского края в начале XXI в. / В. В. Миндогулов, В. Ф. Михайлов. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1999. – 144 с.
18. Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации : колл. моногр. / науч. ред. Е. Ю. Кошелева. – Томск : «РАУШ МБХ», 2011. – 204 с.
19. Рыбаковский, Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Наука, 1990. – 192 с.
20. Садохин, А. П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования : автореф. дис. ... д-ра культурол. наук / Садохин Александр Петрович. – М., 2008. – 48 с.
21. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология : практикум / Т. Г. Стефаненко. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 368 с.
22. Тишков, В. А. О нации / В. А. Тишков. – Режим доступа : http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_nacii1.html.
23. Триандис, Г. Культура и социальное поведение / Г. Триандис. – М. : Форум, 2007. – 384 с.
24. Тудупова, Т. Ц. Этнопсихологический тренинг общения в воспитательном процессе / Т. Ц. Тудупова, Ч. Ц. Сангадиев // Воспитание школьников. – 2012. – № 3. – С. 46-51.
25. Цивилизация: Вызовы современности : сб. статей / под ред. М. С. Уварова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. – 296 с.
26. Dalsky D., Landis D. Cross-Cultural Training // The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology / Ed. K. D. Keith. – Wiley-Blackwell, 2013. – P. 275-277.

Учебное издание

Завалишин Андрей Юрьевич
Костюрина Надежда Юрьевна

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

Учебное пособие

Научный редактор – доктор культурологии, профессор Т. А. Чебанюк

Редактор Т. Н. Карпова

Подписано в печать 17.10.2014.

Формат 60 × 84 1/16. Бумага 60 г/м². Ризограф EZ570E.

Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 6,24. Тираж 500 экз. Заказ 26499.

Редакционно-издательский отдел
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»
681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27.

Полиграфическая лаборатория
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»
681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27.